

ЛЮДМИЛА ШАХОВСКАЯ

ЖРЕБИЙ

БРОШЕН

История в романах

Людмила Шаховская

Жребий брошен

«Public Domain»

УДК 82/89
ББК 84(2Рос=Рус)

Шаховская Л. Д.

Жребий брошен / Л. Д. Шаховская — «Public Domain»,
— (История в романах)

ISBN 978-5-486-02869-4

Княгиня Людмила Дмитриевна Шаховская (1850–19...) – русская писательница, поэтесса, драматург и переводчик; автор свыше трех десятков книг, нескольких поэтических сборников; создатель первого в России «Словаря рифм русского языка». Большинство произведений Шаховской составляют романы из жизни древних римлян, греков, галлов, карфагенян. По содержанию они представляют собой единое целое – непрерывную цепь событий, следующих друг за другом. Фактически в этих 23 романах она в художественной форме изложила историю Древнего Рима. Творчество Людмилы Шаховской, несправедливо забытое в наше время, представляет несомненный интерес для современных любителей исторического чтения. В этом томе представлен роман «Жребий брошен», в котором замечательным образом освещена жизнь римского государства эпохи одного из самых значительных его деятелей – Гая Юлия Цезаря. На фоне римской жизни времен заката республики, завоевания Цезарем Галлии и Британии интересно показаны нравы и религиозные обычаи Рима и галльских племен, населявших территорию нынешней Франции. С историческими событиями увлекательно переплетены драматические судьбы героев романа.

УДК 82/89
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-02869-4

© Шаховская Л. Д.

© Public Domain

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	18
Глава III	21
Глава IV	25
Глава V	31
Глава VI	36
Глава VII	39
Глава VIII	44
Глава IX	49
Глава X	53
Глава XI	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Людмила Шаховская

Жребий брошен

Часть первая

Наследство заговорщика

Добрая слава лежит, а худая бежит

Глава I

Родство по ошибке

В одно февральское утро шестьдесят второго года до Рождества Христова жители Рима проснулись ранее обыкновенного и покинули как роскошные лебяжьи тюфяки на бронзовых и черепаших ложах в чертогах, так и вороха гнилой соломы в лачужках. Бесчисленной бесконечной вереницей валили толпы любопытных зрителей отовсюду к улицам, по которым предстояло свершиться ожидаемому триумфальному шествию от городских ворот через форум к Капитолию для принесения Юпитеру благодарственной жертвы.

Что это был за триумф? Что же всполошило народ, привыкший к всевозможным, чуть не ежедневным зрелищам победных шествий, приездов именитых иностранцев-гостей и прочим до того, что чернь иногда уже и не сбегалась, покидая свою работу, глазеть и лицезреть? Что вынудило его будни сделать праздником?

Событие это своим видом было вовсе не блестяще.

Не царь, обладатель несметных сокровищ и повелитель непобедимых врагов, вздумал преклонить свою венчанную голову пред сенатом владыки мира и смиренно просить себе титула друга народа римского – римляне в последние времена так часто видали у себя царей мавританских, армянских, египетских и других, что не подумали бы бросить из-за них привычную колею обыденного труда.

Не знаменитый полководец привел скованным могучего врага с огромной добычей из стран, доселе неведомых, – и это, пожалуй, не собрало бы так единодушно всех жителей столицы и окрестностей и не произвело бы подобной давки на улицах. Помпей так часто торжествовал свои победы и приводил таких прославленных пленников, что это все пригляделось народу.

Нужно было свершиться чему-нибудь небывалому, чтобы расшевелить интерес в равнодушных квиригах и заставить их неумолчно болтать на улицах в рабочий день. И это нечто небывалое действительно случилось: народ сбегался посмотреть, как въедет в столицу с триумфом трусливый, разбитый подагрой старик, победивший, лежа в своей палатке и имея силы вдесятеро больше, маленькую шайку разбойников и получивший за это титул императора, а с ним вместе другой трусливый старик, также ничего ровно от себя не придумавший для уничтожения этой шайки, готовый теперь украситься до сих пор никем еще не получавшимся титулом отца отечества.

Этими трусливыми триумфаторами были два консула – Антоний и Цицерон, уничтожившие заговор знаменитого Катилины, с именем которого римляне связывали начало и конец всех своих бед последнего времени.

Катилины не стало, не будет теперь и всеобщей паники: нечего страшиться добрым людям ни кинжала из-за угла улицы, ни клеветы, ни отравы, ни увечья сыновей на пути порока,

ни похищения дочерей, ни тайной продажи рабов. Вырвана общественная язва с корнем, убита стоголовая гидра.

– Да здравствует консул Антоний, победитель при Фезулах! Да здравствует консул Цицерон, охранитель порядка в столице! – горланили там и сям в толпе разгулявшиеся зеваки от нечего делать в ожидании диковинного зрелища, но никто и не подумал выкрикнуть хвалу истинным виновникам триумфа, никто даже не говорил о том, что не провалявшийся в палатке со своей подагрой Антоний, а легат его, храбрый Петрей, был истребитель заговорщиков при Фезулах в Этрурии; не Цицерон, а Теренция, жена его, охраняла город как могла усилиями своих верных сыщиков, внушая мужу делать и то, и другое, и третье на пользу Отечеству, тогда как сам оратор осмелился произнести свои громогласные речи только тогда, когда все уже было готово для этого благодаря энергии его умной супруги, весь заговор был парализован, общественное мнение настроено, как должно, и охранительная стража в переодетом виде являлась всюду, куда бы он ни шел.

Цицерону и этого казалось мало. Для безопасности он носил под одеждой такую толстую кольчугу, что возбуждал насмешки.

К сожалению, так бывает всегда на земле – кто шумит, тот получает триумф, а истинные труженики останутся незамеченными.

Триумф над Катилиной был, положительно, близок всем и каждому в Риме и его окрестностях. Одни из собравшихся зрителей понесли убытки от тайных отрядов погибшего злодея, другие нажились, прослужив Цицерону целый год сыщиками; многие имели родных среди воинов, отправленных под Фезулу, откуда, по причине плохих путей сообщения в зимнее время, доходили только редкие слухи. Кто убит, кто ранен, кто возвращается невредимым – было положительно неизвестно.

Было немало и таких особ, которые мысленно ставили себя на место Катилины, задавая роковые вопросы: в чем ошибся знаменитый заговорщик? почему именно не удалось его дело? что сделали бы они на его месте?

И многих тянуло на место Катилины; дух погибшего злодея веял на них своим черным крылом из ада, раздувая жажду приключений, алчность власти и добычи без разбора средств к достижению цели. Некоторые женщины не меньше мужчин волновались, думая о судьбе Катилины, интересуясь романтической обстановкой его последних минут и критикуя образ действий его многочисленных помощниц, героинь заговора.

Среди всеобщей давки сильные рабы с трудом очищали дорогу роскошным носилкам, под навесом которых горделиво сидела молодая женщина в богатой одежде жены сенатора-патриция.

Не слушая льстивую болтовню своих товарок, шедших подле нее пешком, рассеянно глядя на толпу и поневоле выслушивая бесцеремонные замечания зевак о ее наряде и наружности, богатая плебейка была погружена в глубокую думу.

Пред нею носился образ энергической красавицы Семпронии, геройски погибшей в мужском платье подле Катилины на Фезуланском поле с мечом в руках, как воин.

Пред нею носился образ трусливой Орестиллы, фаворитки заговорщика, покинувшей его в решительную минуту, прибегнув под защиту Катулла от придинок сената.

Первая поступила славнее, а вторая – благоразумнее.

Чью роль выбрала бы молодая плебейка, если б судьба дала ей этот выбор?

Семпрония была общеизвестной злодейкой; ей негде было укрыться от кары закона, ей ничего больше не оставалось, кроме смерти. Но ее смерть есть сама по себе бессмертие, тогда как Орестилле предстоит влачить длинную, скорбную вереницу дней в добровольной ссылке вместе с дочерью.

Молодая плебейка, взвешивая поступки той и другой героини законченной трагедии, ставила себя на их места, не приходя ни к какому решительному выводу.

Фульвии было не больше двадцать лет от роду, но она достигла уже полного очерствения, окаменелости всех чувств и порывов сердца, кроме стремления к власти. У нее не было ни совести, ни веры в богов, ни сочувствия к людям.

Пусть один из толпы нагло хвалил ее чересчур обнаженные плечи; пусть другой делал глупое замечание о белокуром парике, который она сегодня надела поверх своих жидких черных волос, пусть третий осмеивал ее горделивую позу... какое ей до них дело?

Ей хотелось быть на месте Орестиллы или Семпронии, быть супругой или фавориткой человека, подобного Катилине. В этой роли она выступила бы на всемирную сцену не так, как они. Обе, по мнению Фульвии, были дурами, а что предприняла бы в их обстоятельствах она, умница, – это в ее голове никак не определялось.

Она с презрением кидала мимолетные взоры назад, на другие носилки, где раскачивался ее слабохарактерный, постоянно пьяный муж, развлекаемый шутами, среди которых с затаенной скорбью вращался модный поэт того времени Валерий Катулл – человек благородного происхождения и возвышенной души, приставший к компании глупого пьяницы Клодия вследствие своей неодолимой страсти к его сестре, известной всему обществу мотовке и ветренице.

Катулл и теперь сидел в носилках подле Клодия, то декламируя ему в угоду стихи, то отвечая на вопросы, которые тому вздумалось задать, и сообщая усердно нужные сведения, – сведения, которые глупец через минуту перепутывал с другими, или вовсе забывал.

«Можно ли что-нибудь сделать из этой легкомысленной трещотки, – думала Фульвия о своем муже, – можно ли сшить диктаторский плащ из этой тряпки?.. Едва ли! Может ли быть годеи в исполнители великих замыслов человек, который, выслушав утром совет, в полдень его перевернет, к вечеру вовсе забудет, а завтра исполнит навыворот?.. Едва ли!»

Но до тех пор, пока еще не найден помощник вроде Катилины, Фульвии, – этой новой Семпронии – нужна какая-нибудь ширма, какой-нибудь козел отпущения для прикрытия ее планов. Все, что она сделает дурного, пусть молва припишет ее мужу; все, что глупой голове ее мужа удастся измыслить полезного, пусть будет рассмотрено общественным мнением как ее задумка.

Семпрония, по ее мнению, напрасно слишком явно выставила себя злодейкой, напрасно пошла сражаться под Фезулы; ей следовало бежать, набрать новую шайку и ударить, под предлогом мести за Катилину и во имя его идей, на Рим, пока туда еще не успела возвратиться из Этрурии армия.

Орестилла, по ее мнению, напрасно погубила своего пасынка, Афрания, – это лишило ее многих друзей и быть бы ей повешенной, если бы не ее дружба с Клодией, а через нее протекция поэта Катулла. На ее месте Фульвия постаралась бы не нуждаться ни в какой Клодии для своего спасения от явной или тайной казни; она действовала бы одна, своим умом.

Мало-помалу в ее мыслях начали слагаться формы самых удобных планов; она перебирала всю знатную римскую молодежь, всех Атилиев и Сервилиев, Аврелиев и Рубелиев, выискивая, кто из них лучше всего годится в наследники Катилины, как вдруг мечты ее были прерваны самым грубым образом.

– Эй, безмозглая челядь!.. дорогу дочери божественного Суллы! – раздались возгласы сзади носилок, а за этим последовал такой толчок, что рукоятка носилок соскочила с плеча невольника, носилки упали, и Фульвия очутилась на мостовой, расцарапав до крови руку.

Она увидела широкую, красную, смеющуюся рожу знаменитости римского цирка, гладиатора Евдама, а на носилках Фавсту, дочь Суллы.

Гневно сверкнули взоры гордой оскорбленной плебейки, когда она увидела виновницу своего падения. Фавста же насмешливо улыбулась в ответ на эти молниеносные взоры и была унесена вперед под крики Евдама, продолжавшего орать во все горло: «Дорогу дочери божественного Суллы!»

Фульвия сочла себя не только оскорбленной, но и обесчещенной, потому что ее падение вызвало бесчисленные насмешливые возгласы из толпы:

– Глядите, глядите!.. С матроны парик свалился!.. Она плешивая!.. Ее волосы не длиннее зубьев гребенки, которую она чешется... они не гуще головной щетки, которую она приглаживает свой парик после завивки... у нее мало своих волос... купила чужие... ха, ха, ха!.. и чужие стали собственными, когда деньги заплачены...

У нее разорвался шов, платье свалилось с груди... ее лицо стало багровее ее румян... Никто не подумал пожалеть упавшую, кроме ее льстивых товарок, которые старались заслонить от нескромных взоров зевак свою патронессу, весь туалет которой в эти минуты пребывал в полном беспорядке.

Близ этого места находился перекресток. Из переулка были вынесены другие носилки, где сидели две молодые женщины.

– Стойте! – раздался оттуда мелодичный голос. – Стойте, что-то случилось!

– Стойте! – повторил оттуда же громкий голос другой женщины.

Носильщики остановились.

Толпа увидела, как к Фульвии подбежала с грацией и легкостью нимфы молоденькая особа, выскочившая из своих носилок. Это была стройная, худошавая патрицианка в платье замужней женщины, однако не старше лет шестнадцати, с прелестными темно-русыми волосами и такими очаровательными глубокими голубыми глазами, что, раз увидев, их не забывали. В их глубине таилось что-то особенно чарующее, магнетическое, в них выражалась вся душа этой дивной женщины – душа кроткая, поэтическая и до ребячества наивная, еще ни в малейшей степени не запятнанная грязью римской жизни.

Ее голубое шелковое платье, затканное серебром, мешало ей ходить, она несколько раз споткнулась, прежде чем дошла до Фульвии, вызвав в толпе смех, а свою длинную белую вуаль, зацепившуюся за браслет ее спутницы, она бесцеремонно дернула, но не заметила, что она от этого разорвалась. Кто-то упал, кто-то зовет на помощь, кто-то страдает – какое же ей дело до ее шлейфа или вуали? – она бросилась, готовая предложить к услугам ближних все, что может.

Вслед за нею нехотя вылезла ее спутница, с досадой проворчав:

– Амарилле всегда хочется соваться в чужие дела!

Это была также молоденькая особа, красивая, но с весьма обыкновенной наружностью, из тех, что нередко можно встретить – полная, румяная, с черными глазами под густыми бровями дугою и массою черных волос. Ее платье было красным шерстяным с огромными золотыми звездами, на груди бряцали, ударяясь одна о другую, разные бусы, из-под огромной золотой гребенки спускалась ярко-зеленая вуаль, также затканная золотыми звездами. Добавьте к этому высокий рост и увидите, что вся ее фигура представляла нечто огромное, сильное, но однако же безвкусное, неуклюжее, старообразное, вполне деревенское, точно красotka оделась в чье-то чужое платье, вовсе не идущее к ней. Однако по самодовольным взорам можно было заключить, что этот наряд не только ее собственный, но даже сшит ее руками.

Она тщательно подобрала свой шлейф, хоть он и не был длинен, как шлейфы матрон, чтобы к нему не пристала пыль с мостовой. Ее торжествующая улыбка выдавала ее тайные мысли: «А что?.. какова я?.. полюбуйте, добрые люди!.. мне не надо париков, потому что и свои волосы едва уместить на голове, мне не надо румян – мои щеки краснее самой киновари, не надо платить денег ни за материю, ни за бусы моего наряда, потому что у моего мужа-купца полна лавка всяких товаров, ни за работу, потому что я сама шью лучше всякой портнихи!»

– Экое чучело!.. точно попугай!.. кто это?.. знаю... жена Леонида, суконщика, что торгует в кориненских рядах... вспомнил и я... ее прозвали Красной Каракатицей... – понеслось ей вслед из толпы, но торжествующая франтиха, к ее счастью, этого не слыхала, озабоченная как вмешательством своей грациозной спутницы в чужие дела, от чего, по ее мнению, всегда беда происходит, так и своим платьем.

Фульвия, поднятая и усаженная своими служанками в носилки, дико озиралась, не зная, что предпринять – отправиться ли домой, потому что ее туалет испорчен, или же наперекор Фавсте все-таки явиться на площадь смотреть триумфальное шествие.

Фульвия и Фавста едва знали одна другую, встречаясь очень редко в домах общих знакомых, но тем не менее в сердце первой давно гнездилась ненависть к последней. Причин для этого было множество, главная же – нежелание Фавсты, гордой дочери знаменитого диктатора, принять Фульвию в свой круг, круг самых высокопоставленных людей, центром которого в эти дни был Цицерон.

Фульвия по матери была внучкой одного из многих Семпрониев-Тудитанов, а по отцу – дочерью одного из бесчисленных Фульвиев-Флакков. Ее отец умер, когда она была ребенком, мать среди вихря удовольствий вольной вдовьей жизни не сумела ни дать ей хорошего образования, ни сберечь приданого для выгодной партии, ни даже найти в мужа хоть бедного, но порядочного человека, а выдала ее в четырнадцать лет за первого, кто посватался, лишь бы с рук сбыть. Сделавшейся женой гуляки Клодия Фульвии, имевшей до того образцом свою глупую и развратную мать, еще худшими примерами стали ее муж и золовка, для которых не существовало ни святых, ни приличия, ни даже простой вежливости. Пьянство, сквернословие, драки, мотовство – вот что окружало юную девочку в доме мужа после разврата, виданного в доме матери. Как же могла она быть добродетельною?!

Вполне предоставленная самой себе с четырнадцати лет, Фульвия не могла не избрать ложного пути, несмотря на то, что в основе ее характера лежали хорошие задатки. Она имела обширный природный ум, твердую волю и смелость сердца, но обстоятельства ее жизни сложились так, что все эти качества она не могла применять с пользой.

Будь у Фульвии умная, добродетельная подруга, тетка, дядя или хоть предмет любви – она могла бы сделаться хорошей женщиной вследствие мудрых советов, но такой возможности она была лишена. Порядочные люди чуждались семьи Клодия, как проказы, и клеймили ее прозвищем гнезда всяких пороков вполне заслуженно.

Встречаясь с Фавстою и другими знатными матронами, Фульвия видела от них только косые взгляды и слышала неохотные ответы на старания вести беседу. Сначала это повергло ее в глубокую скорбь, а потом, мало-помалу, вызвало непримиримую вражду ко всем, кто не принадлежит к компании ее мужа и золовки, которых она искренне ненавидела, но сблизилась по необходимости и привыкла к их образу жизни. В ее сердце зародился червь и стал точить его денно и ночью – червь властолюбия и мстительности. Ум Фульвии стал питать и ласкать этого червя, все ее думы стали лелеять одну мечту, что настанет время, когда она воздаст гордым матронам за их презрение сторицей. Не имея возможности мстить им открыто, Фульвия выискивала малейшие поводы, чтобы насолить чем-нибудь тайком.

Матроны терпели от нее оскорбления, не подозревая, кто наносит их, чей ум изобретал и чей язык разносил по городу при всяком возможном случае нелепую клевету и басни о чести их. Всегда они считали виновником кого-нибудь другого, потому что Фульвия, выгораживая себя, умела находить козлов отпущения. По большей части таким «козлом» являлся ее муж. Клодий сделал то или другое, говорили в Риме, а о том, кто внушил бесхарактерному пьянице это, кто толкнул его – не догадывались. Фульвия была слишком хитра, чтобы выставить по неосторожности себя героиней скандала.

Увидав, что причиной ее падения с носилок был гладиатор Фавсты, а затем и саму Фавсту с ее насмешливой улыбкой, Фульвия отдалась пароксизму бессильной злости, призывая всех богов в свидетели ее клятвы, что гордой матроне это даром не пройдет. Сверкая своими налившимися кровью глазами, как голодная тигрица, женщина готова была сорвать свою злобу на ком придется, пока еще нельзя добраться до Фавсты. Она бросилась к своим носильщикам, осыпая их бранью, хлестая по щекам; исколола их острой золотой иглой, торчавшей как укра-

шение у нее в волосах, и произнесла им всем четверым смертный приговор – отдачу на съедение плотоядным рыбам.

Несчастные носильщики упали в ужасе на колени, уверяя в своей невинности. Трое из них обвиняли четвертого – того, с плеча которого Евдам столкнул рукоятку носилок.

– Госпожа, – говорил, плача, каппадокиец, – ты, конечно, вольна казнить нас без вины, но не могу я не сказать, что виноват... если кто-нибудь виноват или должен оказаться в виноватых... виноват один Луктерий... он уронил носилки.

Луктерий был галл, молодой и красивый. Фульвия год тому назад увидела его в числе бойцов на арене цирка и пленилась его красотой. Купленный ею и сделанный носильщиком, он оказался довольно хитрым, ловким и притом смелым слугой. Немало темных дел было совершено им в Риме по приказанию госпожи, но Фульвия все-таки разлюбила галла – и для нее ничего не значило казнить сегодня того, кого она обожала вчера.

– Евдам ошеломил меня ударом кулака по голове, – сказал Луктерий в свое оправдание, – и у меня помутилось в глазах... я пошатнулся от неожиданности, и носилки упали... госпожа, я не буду напоминать тебе всего, что поручала ты мне в этот год, как самому верному исполнителю... я не буду просить прощения... я надоел тебе – понятно мне это давно... я должен умереть, потому что тебе так угодно, но мои товарищи достойны жизни... они отомстят за тебя, госпожа, Евдаму или кому ты желаешь. Казни меня одного, а их помилуй – они справедливо говорят, что виновен только я.

Он смело глядел в лицо Фульвии, не плача, как другие. Его мужественная фигура горделиво возвышалась над остальными тремя коленапреклоненными рабами. В прекрасных чертах его молодого лица была видна покорность жестокой судьбе, но не тиранке Фульвии.

Эта смелость осужденного на лютую казнь понравилась жестокой женщине, хоть и не вернула носильщику ее прежнего благоволения.

– Отомстят... чем? – прошипела она сквозь зубы.

– Чем тебе угодно отомстим! – вскричали все четверо рабов.

– Увидим, – сказала Фульвия и, с презрением отвернувшись от избитых, окровавленных слуг, прислушалась к насмешливым возгласам народа о ее волосах, потом вскочила на носилки, опираясь на плечо старухи, своей любимой служанки, и закричала:

– Граждане, увидите вы когда-нибудь, какие седые клочья прикрыты черными бучками Фавсты!.. Придет день... вы их увидите.

Хохот толпы был ответом.

Фульвия злобно и горестно села, понурив голову, и обратилась к старухе:

– Мелания, стоило ли Катилине погибать во имя блага этой гнусной черни?!

Она заплакала слезами слепой, ужасной, но бессильной злобы, опозоренная, осмеянная, но не имеющая возможности мстить.

Эта сцена глубоко потрясла душу молоденькой патрицианки, прибежавшей к носилкам Фульвии, думая, что тут зовут на помощь. Особенно возмутила ее расправа с носильщиками.

Амарилла стояла, сконфузившись, и робко глядела то на тиранку, то на ее бедных слуг. Ее спутница, прозванная Красной Каракатицей, напротив, сразу поняла, в чем дело, и, протолкавшись не без затруднений к подруге, довольно грубо взяла ее за руку и сказала:

– Зачем ты прибежала сюда, Амарилла? Ты здесь никому не нужна... уйдем скорее!

Голос этой купчихи был так громок, что Фульвия услышала ее слова, несмотря на душившую ее злобу. Ее демонически-яростный взгляд мрачно уперся в Амариллу, и она по-своему истолковала ее присутствие.

– Фавста прислала одну из своих любимиц, сенаторских жен, любоваться моим унижением, – сказала она Мелании.

– Успокойся, дорогая моя... плюнь на всех них... когда-нибудь отомстишь, – ответила старуха шепотом.

– Я хочу отомстить сейчас, если не Фавсте, то хоть кукле с ее краснолицей подругой.

– Как тебе угодно.

– Высокородная матрона! – насмешливо обратилась Фульвия к оробевшей красавице. – Неужели пославшей тебя мало того, что испытано мною? Неужели ей мало одной видеть мою скорбь, что она послала тебя быть свидетельницей ловкости Евдама?! Скажи ей, что она раскается... раскается горько, что обидела женщину, не сделавшую ей ничего дурного. Женщину, ненавистную ей только потому, что имела несчастье быть супругой Клодия... скажи ей, что розы ее торжества поблекнут, а шипы вонзятся в ее собственную грудь... скажи ей, что она проклянет свою заносчивость... скажи, что в Риме есть гладиаторы не хуже ее Евдама, служащие не ей, а огонь мести может пылать не в одном только ее сердце... скажи, что я отомщу за себя.

– Я не понимаю твоих слов, матрона, – сказала Амарилла, изумленно прослушав грозный монолог, – я не понимаю, о ком ты говоришь. Меня никто не посылал к тебе. Услышав твои крики о помощи, я пришла...

– По влечению твоего собственного любопытства? Верю и этому! Конечно, каждой гордой сенаторше цicerоновского круга приятно полюбоваться на мое бесчестие, приятно сообщить свои наблюдения Фавсте и Теренции, посмеяться с ними над комической сценою, которую пришлось лицезреть – с моей личностью в главной роли.

– Я не знаю, матрона, ни Фавсты, ни Теренции, ни тебя самой. Я пришла, полагая, что могу быть полезна. Я тебе не нужна, но кровь струится по лицам и плечам этих невольников... О матрона! Как ты жестока!

– А ты, может быть, милосердна как Юлий Цезарь, не позволяющий публике решать участь его гладиаторов, когда устраивает игры... Ха, ха, ха! Пример Цезаря нашел подражателей, и этот посев уже приносит удивительные плоды – Милон тоже щадит своих бойцов. Гладиатор, этот презренный червь, уже начинает поднимать голову, что видно по поступку Евдама... горе будет, если эта голова червя превратится в голову змея и ужалит пята не раздавившего его Рима! Евдам знает, что господин защитит его от гибели на арене... Ты не близка, матрона, ни с Фавстой, ни с Теренцией... Ты, значит, подруга Юлии, дочери Цезаря?

– Нет, я не знакома и с Юлией, – ответила Амарилла, окончательно растерявшись.

– Ни из того, ни из другого круга? Откуда же ты, свидетельница моего бесчестия? – спросила Фульвия, с изумлением осматривая стройную фигуру молоденькой сенаторши, – могу ли я узнать, с кем судьба так неожиданно свела меня? Я тебя никогда не видела нигде, ни у знакомых, ни в храмах, ни в театре.

– Ты не могла меня видеть... я нигде здесь не была... я провинциалка.

– Как зовут тебя, прелестная? – спросила Фульвия, меняя гневный тон на ласковый, – ее заинтересовала и внутренне рассмешила наивность Амариллы.

– Мое настоящее имя Рубеллия.

– Дочь Рубеллия Плавта?

– Нет... я ношу имя не отца, а бабушки... так было угодно моему деду.

Она в смущении теребила свою вуаль.

– О боги! – вскричала Фульвия радостно. – Наконец-то я нашла в Риме сенаторшу, которая не злословит обо мне и не знает Клодия!

– А разве твоего мужа все знают?

Этот вопрос Амариллы прозвучал, точно вопрос ребенка.

– А тебя, верно, никто не знает, если тебе еще не жужжали в уши обо мне.

– Меня никто не знает.

Фульвия расхохоталась этим наивным словам, но тотчас удержала свой порыв.

– Рубеллия, – сказала она ласково, – чья же ты все-таки дочь?

Наивная красавица, ободренная мягкостью тона, подняла свои голубые глаза и встретила взор Фульвии, обращенный на нее с улыбкой. Она не умела ни хитрить, ни отвязаться от нежеланного разговора.

– Пойдем прочь! – шептала ей Красная Каракатица, но Амарилле, с одной стороны, показалось неловко прервать разговор резким образом, а с другой...

Амарилла случайно взглянула на Луктерия и прочла в его больших смелых глазах такую глубокую скорбь и тоску, и обращенную к ней мольбу, что этот взор галла как бы пригвоздил ее к месту.

– Я очень мало знаю о своей матери, – тихо молвила она, – я подкидыш¹.

– Подкидыш? Однако тебя приняли в чью-то семью.

– Да... я законная дочь своих родителей... я внучка Тудитана, дочь Люциллы.

Амарилле не пришло в голову, что множество людей в Риме носило эти имена.

– Внучка Тудитана! Дочь Люциллы! – воскликнула Фульвия. – Так мы родные, моя милая, – ты дочь моей тетки. Мой дед – Кай Семпроний Тудитан.

– Первое имя моего деда я не знаю, его третье имя я также узнала только недавно, его все зовут просто Семпронием.

– У него было две дочери, из которых одна – моя мать. Дед рассорился с нею. Не дичись меня, Рубеллия, сядь сюда, вот неожиданность – кузина у меня нашлась!

Амарилла села на носилки подле Фульвии и сказала:

– Я слышала только об одной дочери моего деда, моей матери, и не знаю, была ли у него другая дочь.

– Его дочь Люцилла бежала в Грецию, выйдя замуж против его воли, и умерла там, а он прозябает где-то в захолустье.

– Мой дед живет близ Помпеи.

– Может быть... не знаю... с тех пор как моя мать овдовела, он поссорился с нею и покинул нас.

– Я слышала в детстве много сплетен о моей матери, но все это было очень сбивчиво.

– Милая кузина, отправимся вместе встречать твоего супруга... он, без сомнения, цел и невредим, потому что битва не могла быть опасною... ты встречаешь супруга?

– Да.

– Отправь носилки домой.

– Но моя подруга останется одна.

– Пусть она наслаждается твоими носилками, а потом мы пошлем за нею или сделаем, как тебе угодно, иначе.

– Но мой муж?

– Твой муж, конечно, не рассердится... нет места гневу в день триумфа... он чьей партии?

– Не знаю. Ах, если бы он возвратился!

– Конечно, он жив! Билось тридцать тысяч против пяти; друзья гордеца Цицерона нарочно пустили молву о страшной резне и необычайной храбрости врагов, чтобы не показать, как их божок раздавил ладонью муху.

– О, если б он был жив!

– Без сомненья! Итак, моя милая кузина, поговорим о нашей родне! Я не знаю, где обретается мой дед... ты говоришь, что близ Помпеи?

– Да. Там у него есть вилла.

¹ В Древнем Риме каждый глава семьи имел право отвергнуть не только своего ребенка, но и дитя людей, зависящих от него. Дед внука или дядя племянника мог оторвать от него родителей, если они были под его властью, и отдать чужим людям для усыновления, продать в рабство за границу, или даже просто убить, как лишнего, или по другой причине неугодного ему. Закон был на стороне такого самоуправца.

– Чрезвычайно приятно узнать что-нибудь о родных, исчезнувших без вести! Кузина! Милочка!

Фульвия обняла и поцеловала Амариллу, прежде чем та успела выразить желание или отказаться от ее ласки.

– У меня есть кузина... как странно! – сказала красавица, невольно ответив поцелуем.

– Моя мать, – продолжала Фульвия, – уехала в Тарент от преследования кредиторов в свое последнее оставшееся поместье. Я здесь совершенно одна.

– А твой муж?

– Он пьяница. Я его ненавижу.

– Я не знала, что у моей матери была сестра...

– Милая Рубеллия, расскажи мне все, что знаешь о своей матери... история приключений моей тетки очень таинственна.

– Я знаю мало, кузина... а как твое имя?

– Фульвия.

– Матушка или дед... не знаю, кто отдал меня в семью чужих людей... вероятно, дед, потому что он очень капризен и сердит. Его все боятся в округе его виллы. У него толпа слуг-гладиаторов, которые его охраняют и наводят ужас на окрестности. Матушка вышла замуж против его воли, а потом умерла. Я была отдана, как отвергнутая, рыбачке-кормилице и выросла в деревне, не подозревая в себе члена рода сенаторов до тех пор, пока мой Публий не полюбил меня. Тогда дед приказал одному из своих любимцев открыть Публию мою тайну, чтобы он женился на мне. Дед ради Публия сжалился надо мной и простил мою мать.

– Бедняжка! Ты была отвергнута дедом?

– Да. Меня прозвали в деревне Амариллой, что значит вместе любовь и горечь²... Я – дитя любви и горя, «дитя горькой любви».

– А я – жертва горя. Никто меня не любит, а за что, не знаю. От меня все отворачиваются, клеветают... О, кузина! Не сближайся с гордячками аристократками!

– Я сама боюсь их.

– Нет для меня богов, Рубеллия, на Олимпе, потому что они не вступаются за меня... у Юпитера притупились и охладели молнии для моей защиты.

Фульвия произнесла это с пафосом, желая непременно овладеть сердцем наивной провинциалки, что ей и удалось.

– Ты страдаешь? – спросила Амарилла с участием. Фульвия глубоко вздохнула.

– У меня есть только один бог, кузина, – сказала она тоном невинной страдальницы, – этот бог во мне самой и один помогает мне – моя собственная энергия.

– Собственная энергия! – произнесла Амарилла с удивлением. – Это слова моей матери, ее завет мне, она это сказала, провожая меня сюда.

– Как? Твоя мать жива? – воскликнула Фульвия.

– Кузина!.. Ах!..

– Ты проговорила о семейной тайне... но успокойся, милочка!.. я не выдам... ты страдаешь, страдаю и я... разве одна страдальца не близка другой? – всегда близка. Кто несчастен, тот должен открыть свою душу несчастливцу, потому что баловень судьбы, осыпанный всеми благами, не поймет его, а страдалец страдальцу руку подаст.

– Да, кузина, это справедливо. Но почему все отвергают тебя?

– У меня дурной муж.

– Отчего же ты не разведешься?

² **Amare** – любить, **amarus** – горький.

– У меня есть дочь, я не могу покинуть мое единственное детище, притом же я не настолько красива и богата, чтобы надеяться на хорошую партию, да и кто ж возьмет меня – жену Клодия! Кузина, не отвергай меня! Ты, я вижу, добрая, не отвергнешь?

– Я с моей стороны не имею ничего против тебя, кузина Фульвия, но если мой муж...

– Мы с ним поладим, я уверена... возобновим же беседу о родне... все говорили, друг мой, что твоя мать умерла в Греции.

– Нет, кузина. У нас в округе говорили, что утонула, купаясь на вилле своего отца.

– У вас говорили так, а здесь иначе... это все равно... пусть она считается и теперь мертвою, если ей угодно... а кто твой отец?

– Ради всех богов, кузина, не спрашивай! Мне не велели говорить о нем... он бросил мою мать, но потом они помирились. Где они прожили – и вместе или врозь – все годы моего детства, я не знаю. Дед узнал о любви Публия ко мне и пожелал породниться с ним. Он взял меня от моей воспитательницы-рыбачки...

– Самоуправцы-богачи любят и умеют исполнять свои прихоти во что бы то ни стало.

– Именно так. Мой дед имеет среди соседей кличку «придира»... его слуги болтаются по чужим домам и обижают всякого, а их никто не смеет трогать, чтобы он не придрался... у него страсть к судебным тяжбам, которые благодаря богатству все кончаются в его пользу. Он созвал соседей, объявил мое происхождение, показал документы и обручил меня с Публием. Потом приехали мои родители, прощенные дедам; на другой же день после этого была моя свадьба, потому что Публию надо было ехать в поход. Он отвез меня в Рим, оставил под надзором старой ключницы, точно ребенка, и уехал, успокаивая меня полной безопасностью похода.

– И ты его очень любишь?

– Как же его не любить? Он мой друг детства. Мы вместе играли, потому что вилла его отца очень близко от хижины моей кормилицы.

– А как фамилия твоего мужа?

– Аврелий Котта.

– Неужели?!

Фульвия радостно всплеснула руками и снова обняла Амариллу. Сердце интриганки запрыгало от восторга, когда она подумала о том, какой длинный нос сделается у Фавсты с досады, если она увидит, что женщина из семьи Аврелиев явилась на форум в одних носилках с нею, женой Клодия. Члены рода Аврелиев были в родстве с Цезарем по его матери и принадлежали к знатнейшей аристократии.

– Твой муж богат? – спросила Фульвия.

– Очень... но он не эмансипирован³, а его отец – ужасный самоуправец и скряга, хуже моего дедушки. Он живет тоже близ Помпеи в деревне уже очень давно. Я его очень боюсь... и Публий боится... у него такие седые брови, что невольно вздрогнешь, когда он в сердцах поведет ими.

Амарилла откровенно болтала, обрадованная ласковым обращением родственницы, столь неожиданно нашедшейся у нее, пока Фульвия не перевела случайно речь на предстоящий триумф и коснулась личности главной заговорщицы Семпронии.

– Хорошо, что эта Семпрония нам не родня, – сказала она, – быть в родстве с такой отвратительной злодейкой... кузина, что с тобой? – Фульвия прервала свою речь вопросом, потому что Амарилла внезапно побледнела и затряслась.

– Ничего... ничего... – с трудом отозвалась испуганная красавица.

– Как ничего? Почему тебя встревожило это? В Риме все знают друг друга из знатных, все знают, какие Семпронии в родстве между собой, а какие – однофамильцы.

– О боги! Кузина... ты... ты ненавидишь... эту... Семпронию...

³ То есть не отделен, а находится под властью отца.

– Ее ненавидит весь Рим, кроме ее глупого мужа и детей.
– Разве у нее есть другой муж, кроме первого? Ее первый муж жив.
– У нее было несколько мужей, она выходила замуж, обирала дочиста дураков, соединивших с ней свою судьбу, и покидала, ловко находя предлоги к разводам, а от тех, кто не давал выманивать деньги, отделялась иначе.

– Она... их...

– Спроваживала на тот свет ядом или кинжалом... ты вся дрожишь, кузина.

– Мой бедный Публий! Теперь я поняла, почему он предпочел всем знатнейшим красавицам меня, отвергнутую, необразованную, воспитанную рыбацкой.

– Почему?

– Она... Семпрония... она...

– Она его мать, – договорил голос подле носилок.

Амарилла и Фульвия увидели отвратительную женщину, очевидно, подслушивавшую их разговор. Эта особа была мала ростом и очень толста; ее еще не старое лицо носило следы самых грубых пороков; нос был красен, глаза глубоко ввалились и тускло глядели из глазниц, огромный рот с черными зубами оскалился в горькой усмешке.

– Семпрония?! Семпрония его мать?! – воскликнула Фульвия. – Она свекровь моей кузины! Откуда ты это знаешь, Дионисия?

Безобразная женщина считалась домашним другом ее золовки, Клодии.

– Ха, ха, ха! Мне ли этого не знать! Недаром же меня прозвали вестовщицей-всезнайкой!.. Прежде меня звали Терпсихорой... звали Аглаей...⁴ это было во времена отдаленные... было, когда я носилась по сцене легче серны с тамбурином в руке... а теперь... теперь смеются даже над моим именем, говорят, что я люблю Бахуса-Диониса⁵ оттого, что зовусь Дионисией... Что ж... я люблю выпить, это правда... Да ты, Фульвия, не отворачивайся от меня – я хоть и не лщу тебе, как твоя Цитерис, но ведь и не съем тебя... ха, ха, ха! Я пью... пью, чтобы залить свои горести... Нечего тебе отворачиваться, от тебя тоже все отворачиваются, только тебя никто никогда не любил, а меня любили, меня боготворили, Фульвия, поклонялись мне, ноги мои целовали...

– Ты мне сто раз говорила о твоём прошлом, даже слушать-то опротивело.

Пьяная женщина не обратила внимания на это замечание и продолжала говорить, тыкая пальцем то себе в грудь, то в Фульвию; слезы текли по ее размалеванному плохими белилами и румянами лицу; плечи нервно подергивались.

– Я никогда никому не льстила и не стану льстить, я уличная бродяга, я гадалка, я пьяница, я этого не отрицаю, но, Фульвия, почему я бродяга и пьяница?

– Отстань, Дионисия! – брезгливо произнесла Фульвия, отворачиваясь, – она терпеть не могла эту особу, но не велела служанкам прогонять ее, боясь явной ссоры с ее покровительницей, Клодией.

– Кузина Рубеллия, – шепнула она Амарилле, – не обращай внимания на болтовню этой дуры. Если правда, что заговорщица Семпрония твоя свекровь, то чем же ты виновата? Успокойся...

– У этой женщины дурной глаз, кузина, – ответила со страхом Амарилла, вынула маленький аметистовый амулет, и забормотала над ним, плюя на свои пальцы.

– Это правда... у нее дурной глаз и скверный язык, – сказала Фульвия, – встреча с нею редко пророчит доброе.

– Почему же я пьяницей-то стала? – повторила Дионисия, назойливо суясь к носилкам. – Почему же я стала такой? Была я птичкой, была серной, была кумиром всего Рима, лучшей

⁴ Терпсихора – муза танцев; Аглая – одна из трех граций, подруга Венеры.

⁵ Бахус-Дионис – бог вина.

балериной театра, получала я больше двухсот тысяч сестерций жалованья, а даров от стара и млада без счета.

О, чудная заря моей жизни! О, юность! Такой ли тусклый, горестный вечер сулила она мне? Нет! Мне жизнь улыбалась, мои дни проходили дивною вереницей среди роз, золота, перламутра, в чертогах, полных благовоний, на мягкой мебели, в танцах среди резвых подружек и щедрых поклонников... Жизнь улыбалась мне, но настал день... День скорби... Улыбка жизни превратилась в сарказм, из роз выполз скорпион и ужалил мое сердце, и отравил все радости. Это был Люций Катилина.

Ха, ха, ха! Я отмщена судьбою! Сегодня день славы Цицерона, но великому консулу вся его слава не даст такого блаженства, какое полнит мое сердце... блаженство мести!

На пиру, в палатах Суллы, Катилина заметил меня впервые. Я была сиротой, был у меня только один близкий человек в мире – мой дед – старый безголосый хорист. Мы жили в лачужке за городом, перебиваясь впроголодь. Я была тринадцатилетней девочкой-статисткой, моей обязанностью было подавать тамбурин балерине, держать над ее головою гирлянду, распушенный шарф или венок, садиться к ее ногам с лирой...

На пиру у Суллы Катилина заметил, что ничтожная статистка грациозней знаменитой балерины, и шепнул это грозному диктатору. Пир кончился. Меня позвали. С усмешкой оглядел тиран меня, робкую девочку, и велел Квинту Росцию заняться мною. Квинт Росций был его любимцем и бесконтрольно заведовал его театром. Он стал учить меня, мое положение изменилось...

Мой бедный, глупый дед был жестоко обманут. Он считал Катилину своим благодетелем и сделался его преданным спутником, переноса, как самый льстивый шут, все способы глумления. О, дед мой! Как не тешились над ним клеветы злодея! Чему они не подвергали его! Они ему, сонному, надевали на руки сандалии, чтобы он, протирая глаза, исцарапал лицо. Они надевали ему на голову венки из крапивы, поили его помоями, заставляли нюхать букеты, посыпанные перцем, рядили его в платье с погрешками. Он умер от их шутовства, затравленный собаками в шкуре медведя.

Я была рабой и деда, и Росция, и Катилины. Я тешилась роскошью, которая меня окружала. Я полюбила и была любима. Катилина убил своего родного брата, чтобы не делить с ним имени. Катилина осрамил скандалом невинную весталку и довел ее до самоубийства ради избежания позорной казни. Убил Афрания... моего милого Афрания... Внушил ненавистному Фламме похитить меня. С тех пор все хорошее минуло для меня, я с горя запила.

У Фламмы был племянник-мот, обобрававший четырех жен, погибший в таверне среди драки. Этот Квинт, или Квинций, был отцом ее.

Дионисия указала на Амариллу, захохотав во все горло.

– Ты лжешь, Дионисия! – яростно вскричала Фульвия, ударив рукояткой веера по руке пьяной бродяги.

Амарилла, готовая лишиться чувств, откинулась головой на подушку носилок и закрыла глаза. Бродяга, продолжая бормотать себе под нос, ушла от носилок в толпу.

Глава II

Узел интриг

Фульвия, обрадованная случайным сближением с родственницей, горько разочаровалась, догадавшись, что Амарилла ей вовсе не кузина, а произошла ошибка по сходству имен и фамилий, ошибка, усиленная тем обстоятельством, что мать Амариллы и тетка Фульвии, обе Люциллы из рода Семпрониев-Тудитанов, были некогда героинями скандалов, после чего бежали и жили в неизвестности, боясь показаться в столичном обществе, распуслав молву о своей смерти. В те времена подобное зачастую случалось среди римских аристократок.

Но Фульвии не хотелось расставаться с простодушной Амариллой, женой сенатора Аврелия Котты, потому что члены этой фамилии были в родстве с Аврункулеями, Фабиями и Юлиями.

В Юлии Цезаре Фульвия видела единственного человека, на которого может рассчитывать ее муж, чтобы добиться трибунства, потому что Цезарь не брезговал никакими помощниками и не отвернулся бы от Клодия, если бы кто-нибудь сблизил их и научил гуляку угодить Цезарю.

Из фамилии Котта тогда был знатнее прочих Кай Аврункулей, а из Фабиев – Максим и Санга.

Злобная интриганка ни за что не хотела выпустить из когтей Амариллу, которую, казалось, сама судьба послала ей для отмщения Фавсте.

– Кузина! – нежно позвала она.

– Сегодня в первый раз я показала в Риме публике со времени моего приезда, – сказала Амарилла шепотом, – и с первого же шага скандал! Ах!

– Ради всех богов, кузина! Кто был твой отец?

– Пусти меня из твоих носилок! Я дойду пешком, до форума недалеко!

– Кузина Рубеллия, что ты делаешь! Сиди со мной! После слов гнусной пьяницы чернь разорвет тебя за родство с заговорщиками по отцу и свекрови. Ты услала свои носилки и рабов вперед, теперь мудрено найти их, как же ты пойдешь одна? Здесь не деревня твоей кормилицы.

– Фульвия, ты мне не кузина, не родня... прости меня за мою глупость!

– Если мы и не родня, ты полюбила меня. Будем звать друг друга кузинами (*matruelis*), если ты не презираешь меня.

– За что презирать мне тебя, Фульвия? Я тебя не знаю. Ты, может быть...

– Нисколько. Я полюбила тебя, Рубеллия. Если даже та фурия сказала правду, то...

– Да, она сказала правду. Мой отец – племянник заговорщика Фламмы, а мой муж – сын Семпронии от ее первого брака.

Бросившись с провинциальной наивностью на шею интриганки, Амарилла зарыдала.

– Мы на улице, милочка, – сказала Фульвия, отстраняя красавицу. – Перестань, успокойся, толпа смотрит на нас.

Амарилла одумалась и сконфуженно замолчала.

Услышав позади себя глубокий вздох, она оглянулась. Носильщик Луктерий осторожно раздвинул занавеску паланкина и с улыбкой восторга глядел на нее. Их взоры встретились; Амарилла отвернулась и стала теревить свою вуаль. Фульвия заметила все.

– Этот осел заслужил смерть, уронив мои носилки, – сказала она, стараясь придать голосу самый суровый тон.

Фульвии много раз случалось быть свидетельницей того, как быстро, моментально, молодые особы влюблялись в красивых рабов, актеров, гладиаторов. С ней самой случалось это не однажды. Поняв, что Луктерий попытается ухаживать за доброй Амариллой в надежде получить по ее просьбе прощение от госпожи, ей захотелось разведать о чувствах Амариллы к нему.

– Смерть ему! Смерть немедленно от рыб в моем пруду! – сказала она.

– Из ваших разговоров я поняла, что его толкнул гладиатор Фавсты, – возразила Амарилла, – твой раб не виноват. Тебе следует требовать наказания Евдама от его госпожи.

– От Фавсты! Какая ты наивная! Фавста – моя Ламия⁶. Чего она не сделает, чтобы оскорбить меня! Разве я могу обвинить ее гладиатора?!

– И неужели, Фульвия, ты, чтобы только на ком-нибудь сорвать досаду, казнишь невинного?

– Эти ослы заслуживают смерти. Простого распятия для них мало!

– Фульвия! Какой сегодня ужасный день! Ах, не усиливай мою скорбь! Я видела в деревне, как распинали раба – это ужасно! Этот галл ни в чем не виноват – Евдам ударил его кулаком по голове.

Фульвия заметила равнодушие Амариллы к носильщику – равнодушие, имеющее начало в доброте ее сердца и жалости, но при ловкости хитрого невольника и других особ очень удобное для развития любви, а любовь Амариллы к человеку, находящемуся в полной власти у Фульвии, была бы кладом для интриганки. Она мигом смекнула все это и решила сегодня же узнать, что за человек ее муж, Аврелий Котта, и каким путем можно проникнуть в его дом. Она решила, между прочим, грозить красивому носильщику всякими муками в присутствии Амариллы, чтоб добиться возможности привлечь ее к себе, если не по симпатии к ее личности, то страхом за участь галла.

– Какое мне дело, отчего случилось все это?! – сказала она. – Я нахожу его виноватым и имею полное право над его жизнью и смертью. После триумфа он будет казнен. Я так хочу.

– Фульвия! Я жила среди рабов, отвергнутая дедом...

– Раб – собака.

– И собаку жаль убить вследствие минутной вспышки гнева, а рабы – не собаки. Нет, Фульвия, они – люди.

– Не унижай себя такими деревенскими понятиями.

– Если я предложу тебе продать мне...

– Луктерия?

– Всех четверых.

Фульвия торжествовала, читая по лицу и по тону голоса Амариллы все ее чувства, как по книге. Та в ее руках, если раб сумеет превратиться в яблоко раздора между ней и ее мужем или в ловкого наушника в пользу своей госпожи.

– Нет, я их не продам, – холодно ответила она.

– Неумолимая! – вскричала Амарилла вне себя. – Мне страшно с тобою, я уйду,пусти!

Фульвия поняла, что пора изменить тактику. Она расхохоталась и удержала Амариллу за руку:

– Кузина! Милочка! Я пошутила, я вовсе не жестока, спроси об этом моих служанок. Я часто отпускаю моих слуг на волю.

Несколько служанок при этих словах бросились к Фульвии, целуя ей руки.

– О нет! она предобрая! благодетельница! – кричали они.

Амарилла не знала, что ей теперь думать о Фульвии, и была рада переменить тему разговора.

– Ты в родстве с семьей Санги? – спросила Фульвия.

– В дальнем. Его жена, женщина очень гордая, назвала меня деревенщиной и не захотела обласкать. После холодного приема я не бывала у нее. Ее сын – друг моего мужа.

– Сын Санги – друг твоего мужа... Я видела сына Санги... он еще очень молод.

– Ему только восемнадцать лет, он очень добрый, веселый, хорошенький мальчик.

⁶ Злой дух.

– Я видала его у базилики Порция в дружеской беседе с Цезарем.

– Цезарь бывает в доме Санги.

– Он когда-то в дни юности ухаживал за его женой – об этом весь город знал. Клелия до сих пор кокетка, несмотря на свои тридцать пять лет. А что за особа твоя подруга?

– Портниха.

– Гм... твоя отпущеница?

– Нет, она – моя молочная сестра.

– Так... кроме нее, ты еще ни с кем не успела здесь подружиться?

– Нет... у нее есть здесь сестра, но та очень глупа... тоже купчиха. Я ее никогда не любила.

Есть у меня старуха-домоправительница, но я ее не люблю – она ворчунья. Муж советовал мне бывать в доме Санги, но его жена такая гордая! Я нигде не бывала.

Фульвия мало-помалу не только выпытала у Амариллы все нужные ей сведения о ее муже, родне, знакомых и даже рабах, но, кроме того, успела переменить ее мнение о своей личности, уверив, что угрозы рабам были только проявлением вспыльчивости, которая непременно остыла бы к вечеру. Они дружелюбно побеседовали все время, пока их не донесли до площади.

– Твою подругу, одетую точно азиатка, без сомнения, не пропустили к сенаторским местам, а прогнали с твоими носилками куда-нибудь далеко в толпу, – сказала Фульвия, – ты их не найдешь. Тебе придется одной идти к местам, а это неловко.

– Ах, Фульвия! – ответила Амарилла. – Что мне делать? Меня засмеют. Зачем ты пригласила меня в свои носилки? Если бы я знала, что удалят от меня мою единственную подругу и рабов, то...

– Ты не доставила бы мне чести сблизиться с тобой и не спасла бы Луктерия от моего гнева. А он очень хороший слуга, этот Луктерий-кадурк.

– Луктерий-кадурк.

– Да. Чтоб тебе не было неловко идти одной по площади, возьми от меня провожатых. Две из моих служанок, Мелания и Марцелина, пойдут с тобой, пойдет и Луктерий.

– И Луктерий?

– Я уступаю его тебе на время для услуг, как залог нашей дружбы. Если же наша дружба укрепитя, я подарю его тебе.

– Подаришь!

– Прощай! До свидания!

Фульвия прошептала что-то на ухо Мелании и отправилась к местам плебса, где был ее муж, не допускаемый цензорами в сенат за дурное поведение.

Амарилла пошла к местам сенаторских жен, которые не обратили на нее никакого внимания, и стала ждать своего мужа. Она была сильно взволнована странными приключениями этого утра. В голове ее носились беспорядочные думы, полные необъяснимых грез о чем-то странном, неизведанном. Ей было страшно, как будто сердце ее предчувствовало несчастье, напророченное встречей с пьяной уличной бродяжкой, но в то же время хорошо, очень хорошо от сознания, что это она спасла жизнь четверем рабам. Что ей думать о характере Фульвии, она не знала, решив только, что во всяком случае для Луктерия будет лучше, если он перейдет в ее власть. Она не могла бы так жестоко прибить его. О нет! Она... она оглянулась при этой мысли, как бы под влиянием магнетизма, и снова встретила взглядом с галлом. Луктерий восторженно и нежно глядел на нее, как в первый раз.

Глава III

Прошлое Рубеллии Амариллы

Рубеллия Амарилла познакомилась со своим мужем в детстве, когда он, резвый ребенок, бегал с отцовской виллы играть в рыбацкую деревню, где воспитывалась она, отвергнутая дедам, у кормилицы под видом безродной сиротки.

Из детских игр возникло сближение, не перешедшее, однако, в страстную любовь. Публий и Амарилла слишком часто виделись и беспрепятственно играли, чтобы влюбиться. Между ними было честное, чистое чувство взаимного расположения, симпатии душ и сердец, больше похожее на дружбу.

Амарилла восхищалась красивой фигурой Публия Аврелия, богатством его нарядов, благоговела перед его умом, радовалась военным успехам, но никогда не мечтала о нем, как о суженом, и даже не очень обрадовалась, когда дед простил ее родителей, объявил ее происхождение, взял от кормилицы и помолвил за Публия – не обрадовалась, потому что считала себя для него неровней.

Умная рыбацка-кормилица соблюла в тайне от всех происхождение своей питомицы, как ей было приказано, но в то же время, отлично зная характер капризного богача, бросившего к ней внучку, всегда предполагала, что Семпроний-придира когда-нибудь вздумает возратить девочке ее права. Вследствие этого она дала ей некоторое образование. Амарилла была обучена грамоте, счетоводству, разным рукоделиям, но этого все-таки было недостаточно для равенства с сенаторским сыном, уже получившим два венка за военные подвиги и скамью в сенате города Помпеи.

За три дня до свадьбы Амарилла познакомилась со своими родителями. Какое впечатление произвело на нее это событие? Доставили ли ей радость родительские объятия? Вовсе нет.

Отец, о котором сначала ходила молва, что он убит в таверне, а потом говорили, будто он жил на каторге в испанских рудниках, тайно сосланный тестем-придирой, – этот отец, преждевременно состарившийся, робкий, слабоумный, жался по углам от всякого любопытного взора, вздыхал, бормотал вместо ответов нечто непонятное.

Мать, о которой одни говорили, будто она была похищена корсарами с берега, когда купалась, и жила между ними в неволе, а другие – что она бежала в Грецию, влюбившись в какого-то авантюриста, – эта мать была высокая, толстая женщина, сильная, как мужчина, похожая больше на работницу, чем на благородную матрону, с грубым голосом и неуклюжими манерами. Она тоже, как ее муж, пряталась по углам, не желая ни с кем беседовать, но не от робости, а от презрения ко всей родне, презиравшей в свою очередь ее за скандальное прошлое.

Амарилла жила в такую эпоху, когда древний строй римской семьи распался и ничему не помогал даже деспотизм капризного главы рода – такого, как ее дед. Деньги и любовь, личный произвол и мода – вот что руководило тогда римлянами и в политике, и на службе, и в семье. Никакие законы не могли обуздать всеобщее стремление к своеволию, заразившее все классы общества без различия пола, возраста, состояния.

Суровые обличители и гонители порочных скандалистов нередко вели себя не лучше тех, кого презирали. Например, Цицерон, бранивший семью Клодия, кончил тем, что стал пировать с Цитерис, подругой Фульвии, а его жена Теренция после многолетнего брака развелась с ним и вышла за историка Саллюстия, ветреного гуляку.

Жизнь этой эпохи представляет полнейший хаос брачных и родственных отношений, часто основанных только на расчетах и прикрытых маской государственной пользы.

– Республика стала свахой! – восклицал Катон-младший, противник Цезаря.

Республика Рим в те времена стала не только свахой, но каким-то чудовищем, стоголовою гидрой, каждая голова которой, кичась своим аристократизмом, не была согласна с другими

и терзала общественное тело без размышлений о том, что гибель тела повлечет к гибели всех голов.

Оптиматы Рима, капризные самоуправцы, и дружили, и бранились между собой мимо-летно, меняя свои чувства, убеждения и цели единственно в силу пустой прихоти. Они женились, разводились, соединяли и разлучали детей своих и всех подчиненных, не спрашивая их согласия, отправляли на тот свет всякого, кто им не мил, без зазрения совести, если могли это сделать, торговали лучшими должностями в войсках и на провинциальных выборах.

Могла ли быть прочная привязанность, да и стоило ли горячо любить, зная, что не сегодня, так завтра все изменится?!

Свежий человек, попавший из захолустья в такой омут, неминуемо погибал, если не отличался особой стойкостью воли и ясностью ума. Ему на каждом шагу предстояли ловушки всякого сорта от самой сладкой лести до самых диких угроз. Кто мог прозреть сущность тогдашней римской жизни, тот при первой возможности бежал без оглядки из столицы. Много хороших людей выехало тогда, спасаясь от пороков столичного общества. Между ними был некто Помпоний, прозванный Аттиком за то, что жил в Греции, – личность чистая от всякого нареkania, имевший переписку с Цицероном. Эти письма дошли до нас и осветили многое, что утрачено или умышленно скрыто летописями тогдашних историков.

Амарилла привыкла считать своей матерью кормилицу и сильно ее любила. Она не могла сразу оторваться душой от родной обстановки, как оторвалась телом по воле деда, и тосковала по старухе, а еще больше по своей молочной сестре Гиацинте. Чтобы утешить внучку, старый богач дал молодой рыбачке богатое приданое и выдал замуж за купца, дав возможность отправиться в Рим в качестве подруги Амариллы.

Лишь несколько минут Амарилла чувствовала себя близкой к матери – это были минуты их прощания после свадьбы.

– Дитя мое, – сказала бывшая скандалистка, – не презирай своих родителей прежде, чем сама не достигнешь в чистоте наших лет. Я уверена, что с первых же дней ты поймешь, как трудно сохранить себя от пятна среди соблазнов столицы. Если через десять лет вернешься ко мне чистой, неосмеянной, непоруганной, я преклонюсь пред тобой, но до тех пор, Рубеллия Амарилла, не бросай тени на наше прошлое.

Как избежать сетей – такого совета я не могу тебе дать. Не мне, покрытой стыдом, отвергнутой обществом как безбожница, убийца, осужденная на вечную ссылку, не мне давать тебе советы, не мне охранять твою чистоту. У тебя есть два верных хранителя – супруг и твоя собственная энергия.

Она прослезилась, обнимая дочь. Прослезилась и Амарилла, прижавшись к груди матери-преступницы, бывшей для нее всю жизнь чужой, неизвестной. Она обвила руками ее толстую, загорелую шею и... странное дело!.. вдруг почувствовала от этих ласк какую-то странную симпатию к матери, как будто та никогда не была для нее чужой, никогда не отвергала ее, не расставалась с нею, а жила тут близ нее и часто, часто держала ее так у своей груди...

Быть может, ужасная женщина тайком от своего отца когда-нибудь навещала дочь, переодетая гадалкой или нищей... быть может, подкупив кормилицу, брала малютку на свои руки, и Амарилла тогда бессознательно ласкала ее... Это было полной тайной, как и все прочее, относившееся до ее родителей, которым было возвращено их звание в провинции по ходатайству деда, но въезд в столицу разрешен не был, чего они и не добивались, решив дожить остаток дней в глуши, лишь бы их никто не трогал там.

– Матушка, – прошептала Амарилла, – я не смею, не могу осуждать и обвинять тебя. Я люблю тебя. Ты – моя мать. Мне сердце говорит, что ты всегда любила меня, говорит, что не ты отвергла меня. Ты любишь меня и теперь. Матушка, ты, я уверена, лучше того, что люди говорят о тебе.

Преступница ничего не сказала на это.

Амарилла прожила в Риме целый месяц, чуждаясь всего и всех, кроме своей милой молочной сестры Гиацинты. Не полюбила ни одну из своих рабынь, не сблизилась ни с одной родственницей.

Вся родня Публия Аврелия неприязненно отнеслась к его браку с «деревенщиной», а жена Санги положительно не терпела ее за деревенские манеры, а главным образом за былые сумасбродства ее матери.

Мать Амариллы когда-то ходила ночью по улицам в обществе гладиаторов и актрис в храмы египетских и сирийских божеств с развращенным культом. Эти сумасбродства кончились тем, что она вышла за человека, известного в Риме как дурак и мот. Муж скоро бросил ее, а она из ревности убила какую-то гречанку, любимую им. Ее судили за убийство и сослали в деревню навсегда, а она оттуда бежала, чтоб не жить под строгим надзором отца, и пустила молву о своей смерти.

Было ли все это именно так, или же совсем иначе, положительных доказательств не имелось за давностью событий. Скандалистка была уже всеми забыта, как вдруг прошла молва, что не только она сама жива, но жив и муж ее, и существует на свете дочь... эта дочь выходит за Публия Аврелия Котту, которому жена Санги только что хотела сосватать Октавию, родственницу Цезаря.

Гордая матрона вышла из себя при таких новостях и подняла из праха забвения все пятна репутации матери Амариллы, а стоустая молва разукрасила эти похождения цветами своей фантазии. Все это обрушилось на Амариллу, невинную перед обществом ровно ни в чем, кроме того, что имела несчастье быть дочерью скандалистки и помехой для брака Аврелия с девицей, милой жене Санги.

Тяжесть бремени всеобщего презрения легла на невинную душу Амариллы. Ей казалось, что есть только один выход из такого несносного положения – возврат мужа. Публий замкнет уста молве и научит Амариллу, как ей подняться во мнении общества, или же добудет себе почетную должность на Востоке и увезет ее с собой туда, а там все будут уважать ее, не зная ее матери.

Публий – все для нее, все в мире он один. Она обопрется на твердую верную руку друга детства и пойдет по пути жизни безбоязненно.

Питая свое сердце такими надеждами, Амарилла прожила месяц в Риме, никуда не показываясь и развлекаясь только в семье своей молочной сестры. Этот месяц прошел для нее весьма скучно, главным образом вследствие неловкости нового положения, в котором она никак не могла освоиться. Ее далеко не обширный ум не мирился с этикетом обстановки жизни богатой сенаторши. Амарилла чувствовала себя положительно не в своей сфере. С детства привыкла она к постоянной деятельности, к трудам. Ее невольно тянуло к этим былым занятиям, ей хотелось шить, стирать, стряпать, править лодкой, лазить на деревья. Ничего этого делать было нельзя. Что требовалось от рыбачки, то запрещалось жене сенатора.

Данная ей мужем ключница играла при ней роль надзирательницы и мучила ее своим ворчанием и наставлениями.

Досужие часы праздников Амарилла посвящала поэзии, что тогда было в большой моде между девушками, даже деревенскими. Она сочиняла песенки и стихи и распевала их в обществе веселых подружек или за работой в будни. Теперь не для кого было сочинять, да и не хотелось. Ключница вмешивалась и в это, напоминая, что жене сенатора неприлично писать и петь рыбачьи песенки. Амарилле дозволялось воспевать только предметы и идеи возвышенные, именно то, о чем она не имела понятия. Ей дозволялось шить только шелком или золотом ни к чему не нужные каймы и салфетки. Ей дозволялось говорить без стеснения только с одной ключницей и молочной сестрой, получившей право на ее дружбу, как подруга ее дома.

При малейшем протесте ворчливая старуха напоминала Амарилле, что она может скомпрометировать честь мужа, что она теперь уже не рыбачка.

Огромные модные прически с буклями давили голову непривычной к ним красавицы, тесная обувь жала ей ноги, особенно несносные сенаторские полусапожки с пробковыми каблуками внутри и шнуровкой снаружи, так называемые «котурны». Узкие пояса, длинные вуали, которые за все цепляются и рвутся, масса колец и браслетов, веера, зонтики и другие вещи, с которыми она не умела обращаться, – все это не радовало, а мучило ее.

Амарилла привыкла к рыбацкой сандалиии, к короткому, широкому балахону. Привыкла к беготне, возне и смеху с утра до вечера. Ее тяготила новая жизнь, она стремилась всей душой назад, в деревню, к кормилице. Сознавая, что вернуться к былой свободе нельзя, она часто горько плакала, не имея возможности ни перед кем высказаться, потому что даже молочная сестра не сочувствовала ей в этом.

Часто Амарилла задавала себе вопрос – что будет дальше? – и неизвестность будущего тяготила ее.

Неужели ей всю жизнь жить, тоскуя в этих огромных палатах с рабынями, льстиво угождающими ей в лицо, но доносящими каждое ее слово ключнице? Нет, это невозможно. Вернется муж и положит конец ее мучениям, посоветовав ей что-нибудь. Что может он посоветовать, она не знала, но была уверена, что при нем ей будет веселее.

По мере того, как близился день триумфа, Амарилла становилась веселее и оживленнее. В ее голове созидались какие-то воздушные замки о перемене жизни после приезда мужа – фантазии без образа и формы. Она была настроена весело и готова к восприятию новых впечатлений, отправляясь на триумф, как вдруг неожиданное стечение обстоятельств благодаря ее роковому вмешательству в дела Фульвии дало совсем другое направление ее мечтам.

Глава IV Триумф

Фульвия, поместившись со своими товарками на местах знатного плебса, могла издали видеть Амариллу и наблюдать за нею.

Вдали раздались веселые звуки труб, флейт, кимвалов, литавр и других военных инструментов и послышалось пение хора. Затем показалась процессия. Войсковые песенники несли консульского орла, воспевая хором славу победе вождей своих. В этой солдатской импровизации, составленной каким-то лагерным поэтом в минуты вдохновения под живым впечатлением пережитых событий, импровизации, не исправленной никакими интриганами, имя легата Петрея слышалось чаще имени Антония как имя деятеля-исполнителя, а консул воспевался лишь постольку, поскольку он был начальником и славился потому только, что он был – консул.

Петрей вел когорты, Петрей грянул на врагов, Петрей сразил полчища Катилины, Петрей усеял вражескими телами Фезуланское поле. Он командовал, его могучий голос вливал мужество в сердца робких защитников правого дела и вселял ужас в души храбрейших врагов. Над Петреем незримо носились и Марс, и Ромул Квирин, и тени доблестных героев страны, охраняя его, делая неуязвимым, как Ахиллес.

За песенниками и музыкантами ехали в триумфальной колеснице, сияя возложенными на них золотыми венцами в виде лавровых ветвей, оба консула, Антоний и Цицерон, вместе со своими близкими. Подле Цицерона сидел его молодой сын, а подле Антония – его усыновленный племянник, сын Юлии, родственницы Цезаря.

Колесница ехала тихо. Хитрая Фульвия успела заметить, что консулы далеки от дружбы между собою, и яблоко раздора уже упало между ними. Фульвия догадалась, что этим яблоком мог быть титул «отца Отечества», поднесенный вчера сенатом Цицерону за городом в храме Беллоны, где оба консула по обычаю дали собранию отчет в своей деятельности, прося заслуженной награды. Эту искру зависти мог раздуть в пламя ненависти неосторожный язык Цицерона. Оратор давно отвык сдерживаться, избалованный славой своего красноречия. Он, может быть, сказал Антонию что-нибудь резкое, например, попрекнул его прошлым побратимством с Катилиной, чему и сам был не чужд, или поддразнил трусостью, которую Антоний скрыл под предлогом подагры, мешавшей лично командовать армией. Может быть, даже обратил его внимание на смысл хвалебной солдатской песни в честь подвигов Петрея, совершенных, когда Антоний, лежа в шатре, растирал ноги мазью, толкуя о ее достоинствах с греком-врачом.

Что именно сказал Цицерон Антонию, было безразлично для Фульвии, догадавшейся, что сказано им было нечто оскорбительное для мстительного старика, который никогда не прощает обид, и злобное сердце интриганки порадовалось новому раздору среди первых лиц государства – раздору, из которого может возникнуть идея диктаторства, только что уничтоженная в лице Катилины под Фезулами – роковое наследство заговорщика, о котором она промечтала сегодня все утро.

Фульвия видела молодого Антония, сидевшего подле своего названного отца-триумфатора. Гордо глядел на народ этот красавец. Мужественный, отважный и... совершенно бесчестный.

Взгляд Антония напомнил ей Катилину. Фульвия видела заговорщика, когда он, оскорбленный, выбежал из сената, воскликнув: «Вы хотите пожара!.. я погашу этот пожар развалинами Рима».

Если бы у Катилины был достойный его советник, он теперь въезжал бы с триумфом в Рим вместо консулов, но злодей никого не слушался, а только повелевал. Фульвии вспомнился Цезарь – ловкий дипломат, храбрый воин, удачливый поклонник женщин. Цезарь благоволил

к молодому Антонию, а тот давно подражает Цезарю. Если теперь они соединят свои силы во имя идей Катилины, то... Размышления Фульвии нарушили громкие крики.

Амариллу же не интересовала роскошная обстановка триумфа. Красавица явилась сюда с единственной целью: встретить и поздравить своего мужа. Она не взглянула ни на песенников и музыкантов, ни на самих консулов.

Храбрый Петрей и Метелл Целер, ехавшие вслед за триумфальной колесницей, также не были примечены ею.

За легатами тянулась верхом и пешком преторианская гвардия.

– Фабий! Люций Фабий! – окликнула Амарилла хорошенького юношу.

– Амарилла, здравствуй! – отозвался сын Санги, в рассеянности назвав подругу своего детства ее деревенским именем. Они хотели обняться, но лошадь Фабия погналась за другими конями, и он не мог удержать ее. Оглянувшись с седла, юноша хотел что-то сообщить Амарилле.

– Аврелий... наш Аврелий... там... – донеслось от него сквозь музыку, топот коней и неумолчный говор нескольких тысяч голосов.

Где там? Живой там, позади, в толпе всадников своей когорты, или мертвый там, далеко на поле Фезуланском? Амарилла вглядывается в лицо каждого проходящего и проезжающего участника триумфа. Все они в лавровых венках проходили и проезжали мимо нее по четверо в ряд. Публия Аврелия между ними не было, не было и его слуги-оруженосца.

Амарилла узнала брата Гиацинты, служившего оруженосцем у Фабия. Это был ленивый молодец не старше шестнадцати-семнадцати лет, постоянно нечесаный и неумытый, заспанный, зевающий и скучающий, но даже от скуки не пытающийся заняться никаким делом; рыжий, со здоровым румяным лицом, по которому можно было безошибочно определить, что ни одна умная мысль еще ни разу не шевелилась в мозгу этого рыбацкого сына, прозванного Разиней...

– Церинт! – позвала Амарилла.

– Амарилла, здравствуй! – ответил рыжий молодец, как и Фабий, забыв второпях ее новое имя.

– Где мой муж?

Одной из особенностей ума Разини было то, что он не мог, несмотря ни на какие обстоятельства, ответить прямо на вопрос, выражая кратко и ясно главную мысль, а всегда прежде городил чепуху, не относящуюся к делу, а потом уже сообщал то, о чем его спрашивали. В одних случаях это было недостатком, благодаря которому он вытерпел дома много побоев как от родных, так и от соседей, считаясь никуда не годным идиотом, а с другой стороны, именно это дало ему выгодное место, потому что Фабий любил Разиню за то, что он такой, любил и всячески потешался над ним в свободное время.

Разиню можно было прибить как безответного, хотя он и считался свободным сыном отпущенника. Разине можно было не выдавать жалованья в злополучные дни, когда все деньги проиграны. Разиню можно было оставить сторожить незапертый сундук, зная, что он ничего не украдет.

– Где ваш Аврелий-то, – отозвался он на вопрос Амариллы, – а жарко он, лихо дрался!

– Да теперь-то где?

– Дрались, дрались... ох, толкают! После скажу все по порядку...

Он хотел следовать за товарищами, но Амарилла удержала его за руку.

– Аврелия здесь нет? – настойчиво спросила она.

– Нет.

– Где же он? После расскажешь по порядку, а теперь скажи – жив ли он?

– Помер.

– Убит?

Свет помутился в глазах Амариллы.

– Помер Аврелий, – повторил Церинт, увлекаемый толпой вперед.

– Где же Аминандр? – с трудом выговорила она в последней надежде, что старый оруженосец мужа опровергнет ложный слух.

– Аминандра нет, пропал без вести.

Толпа увлекла Церинта. Амарилла упала в истерике на руки Мелании и Марцелины, служанок Фульвии. Она не видала больше ничего.

Все участники церемонии прошли в храм Юпитера Капитолийского для принесения благодарственной жертвы, за ними последовали знатнейшие женщины. Площадь опустела, народ разбрелся по домам, кроме небольшой кучки зевак, смотревших как красавица бьется в истерике, получив вест о смерти мужа. Одни лишь жалели ее словами, а другие совалясь со своими непрошеными услугами, предлагая кувшин с водой, нюхательные эссенции и всякие снадобья. Дикие рыдания Амариллы постепенно перешли в тихие всхлипывания, потом она погрузилась в забытье, близкое к обмороку, которое продлилось часа три.

Затем Амарилла очнулась и открыла глаза. Она сидела на лестнице одного из зданий форума, склонив голову на плечо Мелании. Марцелина накладывала ей на темя полотенце, смоченное уксусом. Две женщины из толпы суетились, выхваляя свои врачебные знания с предложением помощи.

Луктерий стоял поодаль, понутив свою белокурую кудрявую голову.

– Где я? С кем я? – спросила Амарилла, сомневаясь, не спит ли она.

– Высокородная Рубеллия находится среди самых преданных слуг своих, – ответила льстивая старуха Мелания.

– Что... что случилось? Что было здесь?

– Успокойся, госпожа! Не угодно ли свежей воды?

Амарилла закрыла лицо руками, но через несколько минут отняла их и тихо, в полном отчаянии произнесла:

– Неужели все это правда? Он не вернулся, он убит!

Ее голова тяжело поникла на плечо Мелании; она закрыла глаза, чтобы ничего не видеть, как будто желая навсегда погрузиться в сон.

– Добрая госпожа не видела супруга мертвым, – громко и отчетливо произнес Луктерий. Безутешная красавица встрепелась от звука его голоса и повторила:

– Не видела супруга мертвым...

Она взглянула на галла, но на этот раз не смутилась от взора красавца, который светил ей, точно путеводная звезда во мраке.

– Зачем оплакивать того, кого мы не видели бездыханным!

– Луктерий, что значат твои слова?

Слабо улыбнувшись, Амарилла поманила галла к себе. Он опустился на колени пред нею, поцеловал край ее покрывала и сказал:

– У вестника смерти нет еще уса над губою.

– Ты не веришь словам Церинта?

– Не верю. Не меч, а детская игрушка приличнее руке воина, которого госпожа назвала Церинтом. Мудрый не может принимать без доказательств за правду то, что болтает дитя.

– Публий жив?! Жив?!

– Пусть госпожа спросит свое сердце. Если ты сильно любишь своего супруга, сердце-вещун само отзовется. Само скажет, истину ли возвестил оруженосец.

Амарилла склонила голову на руку в глубокой задумчивости. Луктерий сел у ее ног на нижнюю ступень лестницы.

– Не знаю... сомнение в сердце моем, – сказала Амарилла через несколько минут.

Такой разговор между носильщиком и матроной, принявший характер некоторой интимности, был против инструкций, данных Фульвией ее служанкам, а потому хитрые женщины поспешили перебить его.

– Высокородная Рубеллия, – сказала Мелания, – осмелюсь обратить твое внимание на то, что полдень настал. Сегодня довольно жарко, совсем по-весеннему. Твоя головка очень горяча, ты захвораешь.

– Это правда. Пора домой, – сказала Амарилла.

– А если мой совет будет милостиво выслушан, – вмешалась Марцелина, – то я скажу, что высокородной Рубеллии не следует быть сегодня дома раньше вечера.

– Это почему?

– Ты сильно взволнована, госпожа, тебе надо развлечься.

– И я со своей стороны согласна с этим, – поддакнула Мелания, – не пойти ли тебе в храм? Мы еще успеем прийти к концу жертвоприношения.

– Нет, добрая Мелания, – ответила Амарилла, – я не пойду в храм. Могу ли я благодарить богов, не защитивших моего мужа? Нет, нет! Это было бы профанацией, оскорблением богов, если бы я стала петь вместе со счастливыми гимны благодарения и славословия, имея в сердце печаль.

– Куда же тебе угодно? Тебе не следует сейчас возвращаться домой – пустые огромные комнаты еще сильнее возбудят тоску одиночества.

– И, может быть, ох... может быть, вдовства...

– Ведь у тебя, госпожа, нет дома любимой рабыни.

– Это правда. Сегодня там нет ни любимых, никаких. Я их всех отпустила на триумф. Моя ключница, старая Амиза, как и я, верно, горюет, потому что оруженосец моего мужа – ее муж, а он тоже не вернулся, пропал. Ее ворчание, неумолчная болтовня мне опротивели. Она когда-то была любимицей моей матери. Она все твердит мне одно и то же о почтении к родителям, которых не за что почитать. Нет, не пойду домой к Амизе. Проводите меня в Коринфские ряды, к моей молочной сестре.

– Это, осмелюсь тебе доложить, также не совсем хорошо, госпожа, – возразила Мелания, – у твоей молочной сестры теперь, конечно, идет пированье по случаю возвращения ее брата, а печальная гостья – веселому пиру помеха.

– Кроме того, – перебила Марцелина, – среди купцов водится пьянство без меры. Кто-нибудь там привяжется к тебе, госпожа.

– И это ты дельно сказала, – заметила Мелания, – а ты как полагаешь, госпожа?

Льстивые служанки уже успели до того завладеть Амариллой посредством своей болтовни и ухаживаний, что она их считала добрейшими существами в мире.

– Да, – подтвердила она.

Ее силы теперь совсем ее оставили. Ей было все равно, куда бы ее ни вели и что бы с ней ни делали. Ей хотелось только отдыха, сна, забвения страданий или же утешения, ласкового слова, взгляда...

– Не угодно ли госпоже пройти за город на Via Appia? – предложила Марцелина.

– Вот что выдумала! – воскликнула Мелания со смехом. – На Via Appia теперь очень многолюдно. Народ бродит, пьянствует с песнями по этому красивому предместью, полному кабаков. Плясуньи кружатся со своими бубнами. Когда же солдаты уйдут из Капитолия после жертвоприношения, на Via Appia начнется сушая вакханалия. Ты, Марцелина, предложила это, полагая, что госпоже хочется уединения среди гор и лесов?

– Да. В минуты грусти, по моему мнению, лучше всего удалиться на лоно матери-природы, но не в свой дом, а в такие места, которые не напоминают ничего.

– Но Via Appia место нынешним днем совсем непригодное. Ты желаешь в леса и горы, в тихое уединение, госпожа?

– Да, Мелания. Это было бы очень хорошо, – отозвалась Амарилла, – но мне очень хочется спать. Я всю ночь не спала. А затем – такая ужасная весть.

– Я тебе советую относительно этой вести верить Луктерию. Галлы – знатоки по части всяких гаданий и предчувствий.

Амарилла взглянула на носильщика, бесцеремонно сидевшего у ее ног, и улыбнулась.

– Я ему верю, – сказала она.

Лицо Мелании имело сладенькое выражение заискивающего ожидания, какое бывает на мордочке комнатной собаки, выпрашивающей подачку у госпожи, а голос ее звучал нежно, точно сладкое урчание кота, когда он трется о ноги хозяина под столом во время еды:

– Я могла бы предложить высокородной Рубеллии действительно уединенное место и притом очаровательное, – сказала хитрая старуха.

– Где? – спросила Амарилла довольно равнодушно.

– Там ты можешь пробыть весь день одна, не тревожимая никем, в полном покое. Место новое для тебя. Но ты, быть может, не согласишься, госпожа. А, право, лучшего не найти!

Амарилла не поняла, да и не могла понять по своему простодушию, что ей ставят ловушку по приказанию Фульвии, не поняла, что интриганка дала ей своих людей для услуг, видя в ней только средство своего сближения с Цезарем и Антонием через сына Санги. Амарилла не видела среди своих рыданий, как Фульвия, услышав ее крики, в ту же минуту отправила к ней свою третью служанку, чтобы узнать о причине этого, не видела и не слышала, как эта последняя несколько раз пробиралась сквозь толпу от госпожи к ней и обратно, переговариваясь шепотом с обеими своими товарками и с галлом.

Амарилла не узнала, что Фульвия очень обрадовалась, получив известие о смерти ее мужа, и решила продержат ее у себя под тайным арестом, пока не достигнет своей цели, а потом поступить с ней, как заблагорассудится – продолжать льстивое знакомство или же прогнать ее с насмешкой, замарав ее имя клеветой, что было легко в отношении Амариллы как дочери преступницы.

– Куда ты приглашаешь меня, Мелания? – спросила Амарилла старуху.

– Я осмеливаюсь пригласить тебя, высокородная Рубеллия, провести день на одной из вилл моей патронессы. Там есть тенистый кедровый парк, картинная галерея, музей древностей. Если тебе будет угодно, мы все это покажем тебе, если нет – ты займешься, чем желаешь.

Такое предложение весьма понравилось Амарилле.

– А Фульвия не рассердится, если я без приглашения заберусь в ее дом? – робко спросила она.

– Фульвия даже на всякий случай поручила нам передать тебе ее приглашение, – сказала Мелания, – ей известна весть, полученная тобой, и она точно так же не верит возможности несчастья, как Луктерий. Мы не могли найти ни твоих носилок, ни твоей подруги. Фульвия оставила тебе свои носилки. Ее рабы ждут твоих приказаний, матрона.

Амарилла не подозревала, какую борьбу пришлось выдержать Фульвии против упрямой Красной Каракатицы, чтобы заставить ее отправиться домой без Амариллы. Фульвия разыскала Гиацинту, попавшую в самую густую толпу далеко от площади, и наврала ей всяких басен, на которые молодая портниха сначала не поддавалась, но все-таки была побеждена хитростью интриганки.

Гиацинта сразу почуяла в Фульвии врага, тем более что брат успел сообщить ей о смерти их общего друга детства. Сердце верной подруги рвалось к Амарилле, чтобы разделить с ней горе. Ей было не до пиров с братом, она горько оплакивала смерть молодого сенатора. Убежденная интриганкой, будто Амарилла уже отправилась домой, Гиацинта велела нести себя в дом своей молочной сестры, но там узнала от привратника, что ее нет. Она побежала пешком к себе домой, чтобы посоветоваться с мужем, но, на ее беду, суконщик был занят с покупателями, осадившими его лавку, как и все лавки города – после триумфа в Риме начался разгул

праздных зевак, похожий на ярмарку. На пешее хождение понадобилось так много времени, что Амарилла успела исчезнуть.

Служанки Фульвии не переставали неотступно приглашать ее за город.

– Эта вилла всего в трех милях от города, – говорила Мелания, – она в очаровательной местности, на берегу озера.

– Я хотела бы сегодня вечером повидаться с Фабием или его оруженосцем, чтобы расспросить подробности о моем муже, – возразила робкая красавица, уже сбита с толку льстивыми речами старухи.

– Ты вернешься, матрона, к вечеру. Туда только четверть часа езды.

– Где же носилки?

– Они сейчас будут готовы. Луктерий, живо!

Галл привел носильщиков с паланкином. Мелания уселась с Амариллой, а Марцелина пошла пешком. Обе льстивые женщины так увлекли красавицу своей болтовней, что она даже не заметила, как очутилась за городом. Там, продолжая рассказывать самые замысловатые из городских сплетен, они пересадили Амариллу в дорожную повозку и повезли вдаль проселком по горам и лесам.

Глава V

Вместо трех миль – двадцать

Повозка тихо катилась неровной гористой дороге. В ней лежал мягкий тюфяк из душистых трав с подушкой у спинки сиденья. Луктерий вполголоса напевал что-то по-галльски, правя тройкой сильных мулов. Слова его песни были непонятны Амарилле, но тем не менее навеяли на нее сладостную истому от воспоминаний прошлого. Ее кормилица была отпущеница одного из родственников Фабия. По происхождению галлиянка, она, попав в рабство ребенком, забыла родной язык, но помнила песни родины, не понимая их содержания, как всякому помнится многое, слышанное в детстве, и часто ласковая Кетуальд пела по-галльски над колыбелью своей питомицы, укачивая ее и Гиацинту, спавших вместе.

Амарилла долго считала кормилицу своей матерью. Считала бы, вероятно, до своего замужества, но муж кормилицы, дерзкий грубый рыбак, однажды, напившись, обозвал ее подкидышем и объявил, что она не дочь его, а работница. Амарилла поплакала после такого открытия, но недолго, потому что была еще очень мала, а кормилица сумела ласками изгладить ужасное впечатление от слов своего супруга на юную душу ребенка.

Жизнь в этой зажиточной рыбацкой семье прошла для Амариллы довольно сносно среди трудов и простых сельских удовольствий. Рыбак иногда поколачивал ее, но этого не избегали и его собственные дочери, а так как разницы не было, то Амарилле не приходилось обижаться.

Песня Луктерия напомнила Амарилле все, что с нею было до ее внезапного превращения в аристократку. Она глубоко задумалась, уже больше не слушая повествований служанок. В руках их явилась корзинка с провизией. Голодная и утомленная красавица охотно закусила, потом откинулась на подушку и сделала вид, будто дремлет, чтобы ей не мешали слушать напевания галла. Эти мотивы воскресили в ее воображении целые вереницы былых сцен. Амарилла увидела хижину на берегу моря, лодку мужа кормилицы... разные лица стали мелькать перед нею... вот рыбаки поют хором, возвращаясь домой после хорошего улова. Вот младшие ребята кормилицы играют раковинами вместе с детьми сельчан и соседних помещиков. Вот является какой-нибудь бродячий фокусник, колдун, фигляр с учеными обезьянами или собаками, музыкант, и начинается в округе праздник. Все сбегаются, окружают артиста, дают ему деньги; смеху и шуткам при этом конца нет...

Эта былая жизнь представилась Амарилле до того сладостной, мирной и счастливой, что сердце ее так и запрыгало. Воспоминания рисовали ей прошлое все яснее, подробнее и наконец перенесли ее на неаполитанский берег. Амарилла, сделав вид, будто дремлет, наконец в самом деле уснула сладко и крепко, убаюканная пением Луктерия и мысленными картинами детства.

Солнце уже давно село, когда красавица проснулась в повозке, стоявшей в роще около красивого павильона милях в двадцати от города. Она встревожилась и стала упрекать служанок:

– Почему вы меня не разбудили? Мне пора домой!

– Добрейшая матрона, – сказала Мелания, – сон – самое лучшее лекарство в обстоятельствах, подобных твоим. Ты успокоилась, уснула. Мы боялись вызвать твое неудовольствие, потревожив тебя.

– А мы давно приехали?

– Давно. Благородной Фульвии будет прискорбно, если ее дорогая гостья не осчастливит ее виллу своим вниманием. Теперь уже вечер. По дорогам, конечно же, много пьяных по случаю триумфа. Если ты пожелаешь вернуться домой, то рискуешь получить оскорбление.

– Что же мне делать? Не ночевать же тут!

– Почему же не ночевать, матрона? Этот павильон предназначен для ночлега гостей и весьма комфортен. Если ты не побрезгуешь гостеприимством нашей патронессы, ей будет весьма приятно, что ты проведешь ночь под ее кровлей.

– Вы обе очень добры, но это все-таки неприятное приключение. Я совсем заспалась, а вы меня не разбудили. Дома могут подумать, что со мною случилось несчастье.

– Ты можешь написать своей домоправительнице, а мы пошлем гонца.

Амарилла торопливо вышла из повозки и последовала за служанками в павильон, отделанный с изысканным великолепием.

Глаза опытного человека сразу приметили бы главную особенность этого здания – все там было отделано так, что располагало к мечтам о любви. Мебель со спинками и ручками в виде лир, голубков, лебедей. На потолках и стенах живопись, изображающая любовные сцены на мифологические и пасторальные темы. Розовые и голубые ткани драпировок на дверях и между колоннами, музыкальные инструменты, множество цветов в вазах – все это делало павильон очаровательным уголком грез, земным раем. Цветы, ароматные свечи в канделябрах, душистое масло в лампах, порошки и травы на угольях курительницы распространяли тонкий аромат. Мягкие, удобные кресла манили спокойно возлечь на них. Пушистый ковер ласкал ноги.

Словом, это был павильон, из которого не хотелось выходить. Покой, нега, мечта наполняли его.

Амарилла, занятая мыслью о тревоге домашних, ничего не заметила, и тем хуже для нее, потому что тонкий яд, принимаемый не одновременно, действует вернее, устраняя благодаря своей незаметности возможность лечения.

Амарилла взяла поданные ей письменные принадлежности и написала:

«От госпожи Амизе. Не тревожься обо мне. Завтра на восходе солнца вышли мою повозку (*rheda rustica*), куда укажет податель этого письма. Успокой Гиацинту и прочим. Горе, посланное Роком...»

– Матрона, – сказала Мелания, следившая через плечо за писанием, – не пиши об этом. Я вполне согласна с Луктерием, что весть о твоём храбром супруге не правдива. Он не вернулся, но это еще ничего не значит. Быть может, он даже не ранен, а уклонился от триумфа... скрылся... гм... гм...

– Скрылся? Уклонился от триумфа?

– Этот триумф не может радовать его сердце, возмущая сыновнее чувство. Конечно, сражаясь за правое дело, он доказал свою верность отечеству, но вспомни, матрона Рубеллия, что твой супруг – сын главной заговорщицы. Погибшая Семпрония все-таки была его матерью.

Выстрелы старухи попали в цель. Эта комбинация представляла нечто новое для Амариллы и очень правдоподобное. Уже настроенная старухой и Луктерием на приятные воспоминания и мечты, успокоенная сном и пищей, очутившись, наконец, в волшебном украшенном павильоне, Амарилла окончательно поддалась обаянию минуты. Она бросилась на шею Мелании и вскрикнула:

– Он жив! Ах! Он жив!

Старуха снова усадила ее в кресло, предлагала воды, умоляла успокоиться.

– Матрона Рубеллия! Не волнуйся! Береги свое здоровье. Ты такая нежная, точно весенняя фиалочка. Луктерий, передай мне вот тот графин.

Галл не подал графина старухе, но, налив свежей воды, поднес Амарилле, преклонив колени. Красавица подняла на него нежный взор, долго глядела в его голубые глаза, медленно опустошая кубок и, возвращая его рабу, проговорила с улыбкой:

– Мелания, он первый сказал мне слово надежды. Если бы он был моим, он был бы теперь свободен.

– Если бы я был твоим! – тихо сказал невольник со вздохом и отошел в угол залы. Его вздох не пропал даром. Лицо Амариллы ярко вспыхнуло румянцем, а сердце забилося от странного чувства, как поутру.

– Конечно, твой супруг жив, – продолжала Мелания, – весьма естественно, что, распустив молву о своей смерти, он предпочел отыскать на поле битвы и похоронить тело своей матери вместо того, чтобы славить богов с консулами за ее гибель.

Амарилла окончательно развеселилась.

– Это правда, – сказала она, сияя счастьем, – Публий жив. Если бы он был убит, то его оруженосец, муж моей домоправительницы, вернулся бы в Рим, а я его не видела. Не приметить его фигуры нельзя. Это старый великан-рубака из бывших гладиаторов-волонтеров. Я его и в сотысячной толпе узнаю. Этот старик очень хитер. Он мог посоветовать Публию скрыться.

– Да, Мелания, сыну главной заговорщицы неловко было бы ехать за колесницей триумфаторов, а как честному человеку, грешно оставить тело своей матери без погребения в добычу зверям и коршунам. Какая бы ни была Семпрония, она все-таки его мать⁷. Увы, не мне укорять его этим! И моя мать, говорят, была не лучше в юности.

Старуха уселась подле Амариллы на другое кресло, а молодая Марцелина – на скамейку у ее ног.

– Да, матрона, – сказала Мелания со вздохом, – что и говорить! Славный род Семпрониев замаран! Мать Фульвии тоже не из хороших женщин. Как наша бедная патронесса страдает из-за этого, рассказать невозможно!

– Как это несправедливо: за преступления одних карать других! – воскликнула Марцелина.

– Мелания, знаешь, что мне пришло в голову? – сказала Амарилла. – Мы с Фульвией хотя и не кузины, но, может, все-таки в родстве, пусть и в дальнем. Ее дед по матери Сепроний Тудитан, и мой зовется так же, а из каких Семпрониев – Тудитанов или Гракхов – произошла мать моего мужа, заговорщица, – я не знаю.

– Вы, без сомнения, в родстве, – подтвердила Мелания, – вследствие этого тебе, матрона, всего лучше искать успокоения здесь, на вилле Фульвии.

– Это так, но мне совестно беспокоить ее.

– Ты ее осчастливишь. Твоего супруга долго не будет, потому что ему неловко теперь явиться в общество. Он не вернется, пока не кончится общее ликование. Так поступают все знатные люди. Ты еще молода и притом, вследствие странных обстоятельств твоего воспитания, не знаешь обычаев света.

– О да. Я ничего, ничего не знаю. О дедушка! Зачем он меня бросил, а потом взял! Лучше бы он меня не отвергал или, уж отвергнувши, не брал бы назад! Я стала от этого ни госпожой, ни селянкой.

– Доверься моей опытности, матрона. Мне нет никакого смысла советовать во вред тебе, потому что я не твоя служанка.

– Конечно... конечно... я тебе верю, Мелания, вполне верю. Ты такая славная. Что же ты посоветуешь?

– И тебе самой неловко показываться в Риме. Явишься в цветном – тебя осмеют, потому что разнеслась весть о смерти твоего супруга. Явишься в трауре – клеветники сочинят, что носить печальные белые одежды в дни общей радости могут только заговорщики. Тебе тоже надо скрыться.

– Я скроюсь, буду жить дома, никуда не показываясь.

⁷ Заговор Катилины уже описан мною в романе «Над бездной», поэтому здесь я не могу уделить много места повествованию об этой личности.

– Невозможно, матрона. Ты богата. Разные льстецы хлынут к тебе под предлогом сочувствия мнимой потере. В Риме много негодяев. Что мне перечислять их?!.. пример недалеко – муж Фульвии. Это такой горчайший пьяница и отъявленный хулиган, что его сами консулы боятся.

– Даже консулы!

– Если бы этот Клодий проведаль, что у его супруги нашлась такая прелестная кузина, то сейчас же нагрязнул к тебе со своим непрошеным знакомством.

– Он может меня найти и здесь.

– О нет! Фульвия не из таких, чтобы выдать друга злодею. Ее друзья не отдаются Клодию на потеху. Нет!

– Не уехать ли мне в Помпею, к деду?

– Это будет очень неблагоприятно, извини за непочтительность. Твой супруг может вернуться неожиданно и обидится, не найдя тебя дома. Ты должна быть готова ежедневно встретить его или его гонца. Поверь, матрона, что сам Юпитер повелел богине судьбы твоей устроить твое случайное знакомство с нашей госпожой. Фульвия защитит, скроет тебя и от своего мужа, и от всех других злодеев. Никто не проведал, куда ты скрылась, а мы между тем будем ежедневно справляться...

– Как! Мне жить тут несколько дней?

– Это полностью зависит от тебя, матрона. Понравится у нас – мы очень рады. Не понравится – отвезем тебя домой хоть завтра же.

– Мне у вас очень нравится, но мои друзья...

– Ты напиши, матрона, еще кому-нибудь... неловко тебе переговариваться с друзьями через домоправительницу, отпущенницу. Написала бы ты что-нибудь сыну Санги.

– Сыну Санги... что же я ему напишу? Писать письмо – это такое наказание! Я почти никогда не писала писем. Амиза – другое дело, я ей написала только приказ... а Фабий... как я ему напишу? Нет, Мелания, я не знаю, что написать, не умею. Он может показать письмо своей матери, будут смеяться, я пишу с ошибками.

– Я тебе помогу. Знатная матрона не обязана уметь писать. На это у всех есть секретари (scriba). Фульвия никогда не сочиняет и даже не пишет писем, а только надписывает свое имя в заголовке.

– А я уж лучше напишу все сама, только ты посоветуй... не сочиню никак... ты так посоветуй... чтобы вышло, знаешь, аристократически, складно, чтоб Клелия не смеялась.

– Будь покойна, матрона.

Амарилла написала сыну Санги под диктовку старухи: «От Рубеллии Амариллы Люцию Фабию младшему, другу детства, привет. Не удивляйся, дорогой мой Фабий, моему внезапному удалению из города. Обстоятельства сложились так, что я решила провести несколько дней на вилле Фульвии, жены Клодия-плебея, близ озера Цереры. Моя повозка готова к твоим услугам, если ты как лучший друг моего мужа захочешь посетить меня и последуешь за подавателем сего письма. Я имею многое сказать тебе, Фабий, о многом хочу побеседовать с тобой без лишних свидетелей. Уединение виллы кажется мне самым удобным местом для этого. Приезжай непременно, как только получишь это письмо, если тебе дорого мое спокойствие».

Третье письмо Амарилла написала Фульвии с выражением благодарности за гостеприимство в дни бедствия.

– А теперь, матрона, удостой твоим знакомством и вниманием хозяйку этой виллы, – сказала Мелания, взявши готовые письма.

– Хозяйку виллы?! – удивилась Амарилла.

– Да. Это бедная молоденькая сирота, живущая здесь на правах хозяйки, девушка благородной фамилии, родственница Фульвии.

– Родственница Фульвии?

– Да. Она вовсе не гордая. Тебе будет с ней весело, особенно если ты извинишь ее маленькие эксцентричности, странности манер.

– Странности манер? Какие?

– Гм... так... она, как и ты, воспитана в деревне, а потому не свыклась еще с манерами столичной знати.

– Похожа на деревенскую? На меня?

– Но она предобрая.

– Тем лучше, если это не важничающая, не образованная... Ах, Мелания! Я, право, так боюсь важных матрон! Я не умею держать себя с ними.

– Марцелина позовет сироту. Ее имя Волумния Цитерис. Пока Марцелина сходит за нею, не угодно ли тебе, матрона, слегка закусить?

– Охотно.

Глава VI

Волумния Цитерис

Амарилла перешла с Меланией в другую комнату павильона, меблированную как спальня. Старуха предложила своей юной гостье переменить платье и вынула из шкафа несколько чистых одежд на выбор. Амарилла охотно переделалась, жалея только, что все предложенные платья ей коротки из-за высокого роста. Состояние ее духа было спокойным и радостным. Все казалось приятным в незнакомой семье, о которой она в течение месяца пребывания в Риме не успела услышать ни хорошего, ни дурного, поскольку о Клодии много судачили в высших кругах, а купцы, к разряду которых принадлежала семья Гиацинты, относились к нему равнодушно. Если имя Клодия или Фульвии упоминалось, то Амарилла могла не обратить на это внимания среди других разговоров.

Скоро в комнату вошла молодая девушка поразительной красоты. Она была низенького роста и нежного сложения, лицо ее имело темный оттенок, и черты его обличали азиатское происхождение.

Движения ее стройной фигуры были полны дивной грации, какой обладают только танцовщицы. Большие черные глаза под густыми бровями искрились радостью. Длинные, густые косы чернее угля лежали на плечах, перевитые бусами. Она была одета в короткое темно-красное толстое платье с высоким воротником и длинными рукавами, обшитое золотым галуном, кутаясь помимо этого еще в белую паллу из-за ночной прохлады.

– Я очень рада видеть в моем доме супругу Котты и постараюсь, чтобы тебе не было скучно у меня, – сказала девушка, поклонившись Амарилле.

– Я рада познакомиться с тобой, Волумния, – ответила Амарилла, протянув ей свою изящную руку, – и постараюсь не быть тебе в тягость. Я доставила благородной Фульвии и всем вам так много хлопот, что мне совестно.

– Что заботиться о Фульвии! Э, пустяки! Забудем о ней – она к нам не приедет. Я очень рада, что мое платье подошло тебе.

– Это твое платье, Волумния?

– Мое.

– Оно немножко коротко мне.

– Э, пустяки... В коротком удобнее бегать, чем в длинном. Здесь деревня, здесь нет стеснений, здесь – царство свободы, земной рай, Элизий.

Глаза Волумнии Цитерис сверкнули экстазом. Их взор имел магнетическое действие на Амариллу. Ей тоже казалось, что здесь действительно – царство свободы, рай. Она улыбнулась и томно вздохнула, как будто сбросив последний остаток бремени горя, давившего ее сердце.

– Тебе не хочется спать, Рубеллия? – спросила Волумния.

– Нет. Я выпалась днем.

– Я тоже выпалась.

Волумния улыбнулась и вздохнула точь-в-точь, как Амарилла. Эта общность чувств сблизила простодушную женщину с ее новой знакомой сильнее любых речей.

– Хочешь погулять? – спросила Волумния.

– Гулять... а ты?

Волумния взяла Амариллу за руку и стала ей шептать каким-то странным тоном, никогда не слышанным ею ни у кого:

– Да, я хочу гулять, пойдем, Рубеллия! Вечер очарователен, ясно на небе, молодая луна глядится в озеро, в священное озеро Цереры, чистое и прозрачное, как горный хрусталь. Первые весенние розы распускают свои ароматные бутоны. Соловей упивается их ароматом и поет свои дивные трели. Миндаль и персик цветут, а также нарцисс и гиацинт, левкой и ландыш, и

фиалка. Ночная прохлада освежает их. Пойдем, Рубеллия, моя дорогая гостья! Здесь – царство свободы, неги, блаженных грез.

– Свободы... неги... блаженных грез...

– Да. Пойдем и будем мечтать, о чем нам приятно.

Они ушли из павильона.

Считая Волумнию Цитерис родственницей Фульвии, Амарилла не обижалась, что та зовет ее просто Рубеллией, даже была рада этому, потому что лесть Мелании начала тяготить ее, еще не привыкшую к власти.

Цитерис провела свою гостью на берег озера, приглашая кататься на лодке. Амарилла вызвалась грести. Лодка снова возбудила в ней воспоминания о рыбацкой семье, где она выросла. Она кинулась к веслам с радостью, как ребенок к давно не виданным игрушкам, и, отчалив, стала откровенно рассказывать Цитерис о своем прошлом, не подозревая, что той все известно от служанок, научивших ее, как относиться к новой жертве интриг Фульвии.

Цитерис слушала не перебивая, лишь изредка поддакивала или осторожно смеялась.

– Тебя насильно превратили из рыбацки в матрону, – сказала она, – а ты, если хочешь, можешь здесь добровольно превратиться снова из матроны в рыбацку. Эта лодка вполне твоя. Ха, ха, ха! Ловко тебе в коротком платье? Сознайся, что оно лучше твоего.

– Да, я привыкла с детства к коротким.

– И носи здесь все время мои платья. Мне не жаль их.

– Мне сказали, что ты бедна, Волумния.

– Э, пустяки! Я не бедна. Фульвия мне всего надавала, даже эту виллу отдала. Я здесь что хочу, то и делаю. Ты тоже делай, что хочешь. Никто не увидит и не осудит. Милая Рубеллия Амарилла! Какая ты славная! Как я люблю тебя!

Страстно обняв простодушную женщину, Цитерис целовала ее, распустила и потом снова кое-как уложила на ее голове косу, хваля волосы, брала ее руки в свои, удивляясь их силе и ловкости при управлении веслами.

– Мы обе молоды, – шепнула она, – мы обе хотим веселиться... да?

– Да, – ответила Амарилла также шепотом.

– Да здравствует веселье! Да здравствует любовь! – вскричала Цитерис и, взяв от Марцелины гусли, запела романс Катуллы:

Плачьте, грации, со мною!
Умер бедный воробей
Милой девушки моей...
Как младенец мать свою,
Знал он милую мою.
Неразлучен с госпожою,
Он попрыгивал вокруг
И чириканьем порою
Веселил и нежил слух.
А теперь – увы – он бродит
По печальным берегам
Той реки, с которой к нам
Вновь никто уж не приходит.
О, судьба! О, мой несчастный!
Чрез тебя глаза прекрасной
От горячих слез распухли,

Покраснели и потухли...⁸

Цитерис пела, и ее песня странно действовала на нервы Амариллы, никогда не слышавшей пения в такой странной манере. Голос очаровательной смуглянки то звонко, точно колокольчик или соловьиная трель, раскатывался, вызывая отголоски в глубине парка, то внезапно переходил в какое-то странное, глухое рокотание, близкое к шепоту... то хохот, то слезы слышались в звуках этого пения. Амарилла затаила дыхание, слушая песню коварной сирены. Спев первый романс Катулла, Цитерис начала другой:

Давай любить и жить, о Лесбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой,
За все их не дадим монеты медной.
Пускай восходит день и меркнет тенью бледной,
Для нас, когда заря зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять,
Когда же много их придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал⁹.

Цитерис пела и целовала Амариллу... ее поцелуи, телодвижения и голос, в котором звучала огненная страсть знойного юга, разгорячили воображение Амариллы, вызвали пред нею картины, одна другой заманчивее, соблазнительнее... ее сердце усиленно билось... ей самой захотелось петь, танцевать и любить, она стремилась куда-то, к кому-то, к какому-то неопределенному образу, наделенному всеми чарами обаяния прелести, образу олимпийскому, неземному.

– Он ждет нас... пойдем на берег! – сказала Цитерис певучим шепотом, незаметно прекратив пение романса.

– Кто ждет?

– Луктерий с ужином.

Амарилла хотела что-то сказать на это, но голос замер в груди ее. Молча кивнув в знак согласия, она причалила к берегу.

⁸ Из перевода Гербеля.

⁹ Перевод Фета.

Глава VII

Вереница наслаждений

Третья комната павильона служила столовой. Когда Цитерис провела туда Амариллу, там уже был готов ужин. На столе красовался золотой сервиз. Жареный лебедь был помещен в середине на блюде, украшенный покрывшей из перьев, которая, замедляя остывание, делала его похожим на живого. Вокруг лебедя на других блюдах виднелись пироги в виде домиков на зеленом лугу из различного салата, раки и мелкая рыбка в соусе из устриц и грибов, и другие кушанья, одно другого эффектнее. В вазах грудками лежали фрукты и конфеты.

Цитерис переделалась в легкое платье и расшалилась словно ребенок, то бегая по комнате, то валяясь на кушетке, то принимаясь угощать Амариллу, кладя ей в рот своими руками кушанья и поднося вино.

Амарилла не нашла ничего дурного в таком поведении молодой девушки, потому что в комнате не было мужчин, а обе служанки, ужинавшие с ними, не только не унимали шалунию, но напротив, еще больше подзадоривали угощать дорогую гостью.

Амарилле ничего больше не оставалось, как принимать угощение. Она выпила первый кубок вина насильно, после долгих упрашиваний, второй – охотнее, а прочие уже со смехом. Голова ее закружилась, все стало представляться ей, как в тумане. Она подумала, что уже заснула и видит сон. Ей уже не казалось предосудительным, что в комнату вошел Луктерий, а Цитерис и при нем продолжала шалить.

– Подпевай мне! – повелительно крикнула она Амарилле и запела снова романс Катулла:

Пьяной горечью Фалерна
Чашу нам наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Ты же прочь, речная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгих постников довольствуй!
Пьяный нам любезней Бахус¹⁰.

Амарилла подпевала, сама не понимая, что такое она поет. Это был гимн в честь пьянства. Амарилла спросонку слышала, как Цитерис приставала к невольнику, приглашая его ужинать.

– Здесь ты не раб, – говорила она, – здесь царство свободы.

– Моя свобода за Роной, – ответил Луктерий, – моя свобода в стране кадурков, где я сын вождя, а не гладиатор.

– Да сядь же! Перестань церемониться!

– С тобою я сел бы. Ты ничем не лучше меня. Но не при ней! Она может припомнить и отплатить. При ней мое место у двери или на полу, пока я в рабстве. Оставь, Цитерис! От меня ей оскорбления не будет, я гибнуть не хочу.

Все это слышалось Амарилле в полусне и казалось сном, но заснуть она не могла. Вино не успокоило, а раздражило ее нервы и воображение. Ей вдруг показалось, что пора вставать из-за стола, что кто-то зовет ее. Повинуясь галлюцинации, несчастная обманутая женщина бодро встала со своего места и выбежала из столовой в спальню. Там было темно. Резкий переход

¹⁰ Перевод А. С. Пушкина.

из света в темноту ошеломил Амариллу. Прислонясь к стене у окна, она схватилась руками за голову. Виски ее сильно стучали, сердце билось, ей было жарко, душно. Она отворила оконную раму с раскрашенным пузырем вместо стекол и высунулась в сад. На небе по-прежнему ярко сияли звезды, серп луны уже скрылся. Из павильона было видно озеро, а за ним лес, в котором был небольшой храм Цереры – святилище окрестных пахарей.

Все эти предметы приняли в глазах Амариллы странные формы. Ей казалось, что лес имеет ярко-зеленый цвет, как днем при солнце. По озеру носились волны, подобные морским. Звезды светились ослепительно, точно факелы. По земле близ павильона вились змеи, ползали невиданной формы пауки, раки и рыбы... земля превратилась в огромный пиршественный стол с лебедем посередине.

Амарилла долго простояла у окна, пока не кончились галлюцинации. Ее кто-то звал, кто-то трогал за плечи и руки, уговаривая лечь спать, но она ничего не понимала, не отзываясь на все приставания Мелании и других. Она была пьяна первый раз в жизни, пьяна до того, что даже не осознавала этого состояния.

Прошло несколько дней. Время незаметно пролетело для Амариллы блестящею вереницей деревенских удовольствий. Она осмотрела огромную виллу, полную редкостей, купалась в озере, несмотря на раннюю весну, каталась на лодке, играла в мячики, собирала первые весенние грибы и ягоды.

Февраль в Италии – один из лучших месяцев в году, похожий на наш май, а в ту эпоху он был еще лучше, потому что до исправления календаря Цезарем месяцы приходились как попало. Год делился на 300 дней, от этого вышла большая путаница. Чтобы весенние праздники не пришлись на осень, понтифики – жрецы, заведовавшие календарем – растягивали год, вставляя добавочный месяц. Тогдашний февраль приходился на начало апреля.

Дня два Амарилла удивлялась, почему ее домоправительница не шлет за нею лошадей, отчего не едет Фабий, и собиралась домой, но хитрые женщины каждый раз находили правдоподобные объяснения и предлоги для отказа от этого. Амарилла успокаивалась.

– Вы сказали мне, что эта вилла в трех милях от города, – заметила она между прочим, – а отсюда ни с одной горы Рима не видно.

– Э, пустяки! – возразила Цитерис. – Если бы тебе сказали, что дальше, ты бы не поехала. Не все ли тебе равно, куда тебя завезли? Разве тебе скучно?

Амарилле не было скучно, и она порывалась домой только из вежливости. Хитрые женщины уверяли, что если бы ее муж приехал или прислал письмо, то его гонец нашел бы ее здесь, потому что Фабию из ее письма известно, где она гостит, а Фабий не едет сюда, потому что мешают триумфальные празднества. Почему Амиза не шлет лошадей, и на это отыскался предлог – Амиза находит, что госпоже надо пожить в деревне, Амиза виделась с Фульвией...

Амарилла ясно увидела, что молодой галл равнодушен к ней, и со своей стороны почувствовала свое равнодушие к нему, даже стала досадовать, что собеседницы не оставляют их не только наедине, но даже не дают Луктерию возможности идти рядом с нею. Его постоянная грусть тревожила ее, а почтительность обращения чрезвычайно нравилась. Молодой человек в отношении всех прочих держал себя без рабской угодливости и даже не походил на слугу.

Амарилла узнала, что Луктерий – сын одного из вождей племени кадурков, живущих близ арвернских гор. Между его племенем и рутенами возникла усобица, во время которой он попал в плен. Из всех пленных рутены отпустили домой только Эпазнакта, чтобы он сообщил цену выкупа. Эпазнакт был арверн, а не кадурк. Ему не захотелось хлопотать ради спасения союзников. Он ехал домой лениво, опоздал к назначенному сроку. Пленники были безжалостно проданы работарговцу по обычаю дикарей.

Луктерию только 22 года. Он попал в рабство, едва взяв в руки меч, после первого похода. Это сильно огорчало его. Он тосковал по родине, несмотря на то, что жизнь в доме Фульвии была для него сносна, и не мог примириться с римскими порядками.

Это было все, что Амарилла узнала. То, чего она не узнала, состояло в следующем дополнении:

Луктерий был когда-то честным человеком с высоконравственным взглядом на жизнь, но свобода до того манила его, что он стал жить по девизу: все средства хороши для достижения цели. Вследствие этого он научился льстить и хитрить. Это несколько раз отводило от него смертный приговор жестокосердной Фульвии, которой он давно надоел. Фульвия теперь приказала ему увлечь Амариллу, чтобы она изменила мужу, а потом, если захочет, даже увезти ее в Галлию как жену. Луктерию улыбнулась его будущность. На него разом свалились три дара благополучия – свобода, разлука навсегда с госпожой, которую он ненавидел, и красивая жена, достойная сделаться предметом зависти всех его соотечественников, когда он привезет ее домой. Предмет, которым можно подразнить Эпазнакта, виновника его неволи. Возвратиться домой из плена не только без уплаты выкупа, но, напротив, с деньгами и красивой, знатною пленницей, – это было верхом стремления молодого дикаря. Не только честь его была восстановлена на родине, но он сделался бы непременно вождем, как человек, бывший в Риме, вкусивший тамошней цивилизации. Он сделался бы героем в глазах кадурков.

Амарилла помимо всего этого грядущего благополучия нравилась Луктерию и наружностью, и характером. Он отдался мечтам о будущем счастье и употреблял все хитроумные уловки, чтобы понравиться красавице. Он легко разведal, что Амарилла любит своего мужа только как друга детства, советника, единственную опору в мире, не в силах любить ни своих родителей-преступников, ни деда-самоуправца.

Если бы дед не взял ее от кормилицы, не вырвал бы из среды, с которой она свыклась, не перенес в атмосферу аристократизма, чуждую ей – она была бы счастлива. Отлученная от поселян и не принятая аристократией, она осуждена бродить по земле, точно тень, без пристанища.

Это пристанище явилось ей в гостеприимстве Фульвии и Цитерис. Она отдохнула тут, как пловец в гавани после бури.

Луктерий, узнав все это, действовал сообразно своей цели. Хитрые женщины учили его, помогали чем могли.

Амарилла привыкла видеть шалости Цитерис за ужином. Сириянка уже больше не поила ее допьяна и не навязывала угощения – надобности в этом не было – Амарилла без вина утратила свежесть мысли, отуманенная грезами. Она перестала говорить, а потом и думать о муже. Даже когда Цитерис засыпала, ее слова, полные намеков, лезли в голову Амариллы. Луктерий представал ее воображению во всем обаянии своей красоты – сильный, мужественный, смелый, ловкий, почтительный. Амарилле слышался его голос, его грустные, томные вздохи... виделись его взоры – нежные восторженные взоры голубых глаз, похожих на ее собственные голубые глаза.

Амарилла влюбилась в галла, как и желала Фульвия. В своих тайных думах красавица хотела, чтоб теперешняя ее жизнь длилась непрерывно. Она забыла прощальное предупреждение матери-преступницы о соблазнах и была способна сделаться скандалисткой не лучше ее.

– Не суди, да не судим будешь! – это изречение всегда и везде сбывалось роковым образом именно над людьми, считавшими себя чище других.

Образ матери, отвергнутой обществом и пребывавшей в вечной ссылке, ни разу не представал Амарилле, закружившейся в вихре мечты. Ни разу не подумала она и о том, к каким результатам может привести любовь к такому человеку, как Луктерий – при всех его достоинствах тот был все-таки раб и дикарь без должного образования, годившийся в доме Фульвии только на должность носильщика. Луктерий был образован и грамотен, но по-галльски, а не по-римски. В римском смысле он был вовсе невеждой, хуже рыбака. Амарилла видела только его внешность – красивое лицо и манеры, усвоенные после двухлетней рабской дрессировки. Душа Луктерия была для нее – потемки.

Влюбленная красавица видела в нем сына вождя, не имея никакого понятия о том, что такое галльские вожди за рекой Роной, в тех отдаленных странах, куда римлянам до сих пор удалось проникнуть только в качестве купцов. Целый день и вечер Амарилла была с Луктерием, говорила с ним. Целую ночь мечтала о нем и видела его во сне.

Когда Цитерис заметила, что победа вполне увенчала интригу, она внезапно разрушила все грезы Амариллы. Они ложились спать.

– Какую должность ты дашь Луктерию, когда уедешь отсюда и возьмешь его с собой? – спросила Цитерис.

– Когда уеду... Волумния! Я зажила у вас! Уже больше семи дней я тут!

– Что за беда! Пора ехать, так уезжай, а не пора – оставайся. Твой муж скоро вернется. Поезжай ждать его домой или жди, чтоб он пожаловал сюда за тобой.

– Мой муж...

Этот муж, прежде любимый, теперь вспомнился Амарилле как тормоз всех радостей. Аврелий может запретить ей принимать Фульвию и Цитерис. Аврелий может осудить ее самовольное пребывание у чужих людей. Аврелий удалит Луктерия...

– Волумния! Ведь я замужем! – глухо произнесла Амарилла, всплеснув руками. Грезы ее разлетелись.

– Э, пустяки! Что ж такого?

– А если мужу-то все это не понравится?

– Что не понравится?

– Все... вы не понравитесь... мое пребывание здесь... он – сенатор... гордый...

– Сенатор не римский, а помпейский.

– А его отец был римским сенатором... мой свекор... ах! я боюсь... боюсь! Что я наделала!

– Молодая женщина прожила у другой молодой женщины... матрона из рода Семпрониев и Аврелиев провела несколько дней у девушки рода Волумниев... что же тут дурного?

– Знаю, что ничего дурного я не сделала, но ведь без спроса... мой муж может рассердиться, а свекор... ужас!

– Разве у тебя не останется энергии постоять за себя? Разве ты их раба? Фульвия на твоём месте...

– Фульвия мне не пример. Она не любит своего мужа, потому что он хулиган и пьяница, а мой муж – хороший человек.

– Строгий, гордый, важный, как и следует быть члену древнего рода Аврелиев. Интересно знать, какую должность даст твой муж Луктерию в своём доме.

Амарилла вздрогнула.

– Фульвия еще не подарила его мне, – робко ответила она.

– А если бы подарила?

Возможность разлуки с галлом сжала сердце Амариллы тоской. Фульвия может снова исколоть Луктерия своей головною иглой... может даже казнить его...

– О, если бы она подарила или хотя бы продала мне его!

– Он будет твоим.

– И в тот же день свободен. Но когда? Ах, Волумния! Чем ты можешь поручиться? Фульвия вспыльчива...

– Да, Рубеллия, Фульвия очень вспыльчива. Горе бедному Луктерию, если ты не примешь его под свою защиту! Его личность будет постоянно напоминать Фульвии ее несчастное приключение и при первом же поводе к гневу Луктерий будет замучен.

– Замучен?!

– Самую лютою пыткой. Я не знаю, что произошло между Фульвией и сыном Санги, когда он узнал, что ты здесь... его мать могла наговорить Фульвии дерзостей...

Ни малейшей веселости не было теперь на лице Волумнии Цитерис. Ее большие черные глаза сверкали из-под насупленных бровей, а руки крепко сжались вместе, скрещенные на груди. Точно неумолимый судья с приговором, стояла она над трепещущей Амариллой, лежавшей на постели.

– Жребий участи Луктерия на весах... Он может спуститься к Аиду.

– Ах!

– Умоляй Юпитера о нем!

– Я буду прежде богов умолять тебя, Волумния, посоветовать мне...

– Как поднять этот жребий вместо Аида в Элизий? Знай же, что Фувлия не обманывает друзей, честно держит слово. Вот, возьми, Луктерий твой.

Цитерис вынула из складок своей одежды сверток пергамента и отдала Амарилле. Это была дарственная запись. Улыбка злорадства исказила черты сириянки, она громко захохотала. Смысл этой улыбки и смеха не был понятен Амарилле.

Зло являлось этой доброй, наивной женщине до сих пор на пути очень редко. Амарилла видела зло в личности грубого, но доброго и честного мужа ее кормилицы, дравшегося в пьяный час со всеми, кто подвернется под кулак. Видела зло в причудах своего деда, капризного богача-самоуправца, которого все мелкопоместные соседи боялись. В Риме зло явилось Амарилле в лице матери Фабия, обозвавшей ее деревенщиной.

Она не видела злорадства Цитерис.

Поглощенная мыслью о спасении и свободе Луктерия, Амарилла бросилась на шею злодейке, повторяя: «Он мой! Он мой!» Слезы радости полились из ее глаз.

– Твой, твой, – шептала Цитерис, – ты его любишь, Рубеллия, любишь. Ты узнала блаженство любви. Луктерий любит тебя, любит до обожания.

– Я это знаю... я это вижу...

Цитерис просидела на постели Амариллы до рассвета, слушая бессвязный лепет признаний первой любви ее чистого сердца.

Глава VIII

Повязка слепоты спадает

Настало утро. Амарилла проспала почти до полудня. Сладко потягиваясь на постели, красавица удивлялась тишине, царившей в спальне, потому что Цитерис всегда чем-нибудь тихонько шуршала, чтобы разбудить ее, а если это не действовало, то будила ее поцелуями, щекотаньем и шутивными упреками. Амарилле подумалось, что было рано, и она дремала еще некоторое время. Тишина ничем не нарушалась. Амарилле больше не хотелось спать, она открыла глаза. Цитерис не было в спальне. Не желая оставаться одинокой, Амарилла позвала свою подругу, никто не отозвался. Она позвала Марцелину, а потом Меланию. Прежняя тишина царила в павильоне.

Удивленная Амарилла спустила ноги с кровати, чтобы надеть свои полусапожки. Вместо них оказалась пара золотых башмаков с бусами, какие надевали танцовщицы. Это были башмаки Цитерис, виденные на ней Амариллой вчера за ужином. Они были малы для ног Амариллы, но, вынужденная необходимостью, она втиснула в них ноги и встала. Короткое платье Цитерис из светло-желтой легкой шелковой ткани с золотыми полосками лежало на стуле вместе с белым теплым покрывалом, украшенным вышивками из разноцветной шерсти, пестрый узор которых также приличествовал только актрисе или уличной плясунье.

Амарилла отворила шкаф, чтобы одеться в то короткое темное платье своей подруги, которое носила все эти дни. В шкафу ничего не было. Не только все платья Цитерис исчезли, но не оказалось и собственного платья Амариллы, в котором она приехала из Рима. Охваченная безотчетным инстинктивным подозрением, Амарилла отперла ларец, стоявший на туалетном столике. В нем лежал дорогой алмазный убор Цитерис, но все вещи Амариллы, отданные подруге на сохранение, исчезли.

Амарилла горестно ахнула... между этими исчезнувшими вещами, надетыми ею ради триумфа, были свадебные подарки ее мужа – жемчуг, серьги, даже обручальное кольцо, которое она противилась отдать.

– Ты его забросишь в кусты вместе с мячиком, – сказала Цитерис и после шутивной борьбы сняла его с пальца подруги. Теперь и этот перстень исчез.

Амарилла надела костюм танцовщицы, завернулась в покрывало с вышитыми пестрыми эмблемами любви и выглянула в столовую. Там никого не было. Она прошла в третью и четвертую комнаты павильона, где спали обе служанки. Никого нет. Нет и завтрака на столе.

Озираясь в полнейшем недоумении, Амарилла вышла в сад. Там, наконец, она увидела живое существо. Молодой галл сидел на мраморной скамье под деревом, глубоко и печально задумавшись, как бы в полном отчаянии, запустив пальцы обеих рук в роскошные кудри над низко опущенной головой.

– Луктерий! – позвала Амарилла с крыльца павильона.

Галл сделал вид, будто не слышит. Амарилла подошла к нему. Он не шевелился. Она ласково тронула его за плечо.

– Луктерий!

Галл вздрогнул и поднял на красавицу взор, полный слез.

– Луктерий, что все это значит? Где все они? О чем ты плачешь?

Голос Луктерия глухо и отрывисто прозвучал в ответ Амарилле:

– Что все это значит? Одна из нередких шуток Фульвии. Где ее сообщницы? Они уехали. О чем я плачу? О нашей общей гибели. Я плачу о том, что мне, сыну вождя кадурков, придется умереть от руки палача, а тебе, великодушная Амарилла, не смыть пятна бесчестия ни мстью, ни слезами.

– Ты не умрешь от руки палача, – торопливо перебила Амарилла, отдавая галлу дарственную хартию, – вот твое спасенье! Ты принадлежишь мне.

– Знаю, – угрюмо ответил он, отстраняя ее руку с бумагой, – все способы испробовал я, чтобы спасти тебя, но ты не поняла меня. Узнав, что галлиянка вскормила тебя, я произнес слово *luern* (лисица), потом *drus* и *tan* (дуб и огонь), гуляя в парке, надеясь, что ты заговоришь со мною по-галльски, но язык галлов незнаком тебе. Ты не поняла никаких моих намеков и написала роковые письма, покрывшие тебя позором.

Амарилла села подле галла, не обижаясь, что раб не оставил скамьи в ее присутствии и даже не величает ее именем Рубеллии. Для нее он уже был не раб, а милый сердцу избранник.

– Скажи мне все ясно, Луктерий! – нежно произнесла она, глядя на красивого кадурка с полным сочувствием, готовая заплакать, потому что плачет он.

– Я все скажу... мне теперь не только позволено, но даже велено сказать тебе все, Амарилла, велено сорвать повязку с очей твоих, показать тенета, которыми опутали тебя. Твое имя теперь навсегда соединено с моим, как прежде сплели имя твоей матери с именем какого-то гладиатора, чуть ли не того самого старика Аминандра, что служил оруженосцем у твоего мужа.

– Моя мать и гладиатор...

– Они были предметом сплетен всего Рима. Твой отец бросил твою мать по этой причине, а она отомстила ему за развод, собственноручно убив на каком-то празднике гречанку, любимую им. Подробностей я не знаю и не могу ручаться, насколько все это достоверно. Мне это сообщено Меланией, а она как римская старожилка уверяла, что хорошо помнит всю эту историю, случившуюся в дни ее молодости, незадолго до твоего рождения.

Я тоже гладиатор. О тебе, как о твоей матери, теперь болтает весь Рим – болтает, что дочь Семпронии Люциллы пошла по стезе скандалов, как и ее мать, лишь только вышла замуж.

– Но между нами, Луктерий, ничего дурного не было.

– Кто же может знать, что между нами было?! Может быть, между твоей матерью и гладиатором тоже ничего дурного не было, однако же их очернили.

– Моя мать созналась мне, что она преступница, а я...

– В Риме болтают, что ты ради меня удалилась сюда, на виллу Цитерис. Ты не знаешь, что за особа та, которую ты удостоила дружбы. Это – чудовище, во сто крат худшее, чем испугавшая тебя старая Дионисия. В той есть малые остатки человеческого достоинства. Дионисия была когда-то честной. Дионисия любила и может ненавидеть... но Цитерис Волумния – животное без души. Цитерис Волумния – только хохот и пьянство без всяких других проявлений чувства. Никогда не была она родственницей ни Клодия, ни Фульвии. Она – сириянка, уличная певица и плясунья, угодившая Фульвии тем, что употребляет в ее пользу свое влияние на ее мужа. Фульвия подарила ей виллу за услуги.

Если бы меня не приплели сюда – и тогда твое имя было бы запятнано тем, что ты гостила на вилле Цитерис. Одного этого было бы достаточно для полного успеха клеветы, которую опровергнуть ты не в силах – письма твои уличают тебя... О, горе тебе, Амарилла! Добрая, великодушная Амарилла! Фульвия видела в тебе только единственное средство, как ей попасть в среду знатных людей, благодаря твоей детской дружбе с легкомысленным сыном Санги, любимым Цезарем. Фульвии нужен Цезарь, чтобы дать дорогу к почестям ее мужу, которого все отвергли.

Семья Клодия называет себя плебеями, но они не плебеи, это патрицианский род. В патрициях Клодию ничто не удалось, потому что Фауст Сулла и зять его Милон воздвигли этому пьянице непреодолимые преграды к карьере. Клодий хотел перейти в плебеи, но и плебс, во главе которого стоит Цицерон, отверг его. Даже Катилина не принял Клодия в свой заговор, чтобы не мараить дела его именем.

– Даже ужасный Катилина отказался от него!

– Да... ты теперь поняла, в какое змеиное логовище завлекли тебя?

– Но Цезарь...

– Цезарь неразборчив. Цезарь отвернулся от Клодия, как все, но стоит сыну Санги явиться к Фульвии или Цитерис – явится туда и Цезарь как любитель веселья. Фульвии нужна только чья-нибудь рекомендация. Ты рекомендовала ее сыну Санги, а тот рекомендует ее Цезарю – вот и вся суть интриги.

Фульвия сначала колебалась, завлекать ли тебя или оставить в покое, надеясь лишь в далеком будущем устроить тебе ловушку, но узнавши, что твой супруг сочтен мертвым...

– А он жив?

– Он жив.

– О, радость! Публий Аврелий защитит меня от клеветы.

– От клеветы он не защитит, потому что это не в его власти. Он может только помириться с тобой, простить тебя, если ты сейчас же поедешь к нему под Фезулы...

– О, да, конечно, я поеду!

– Откровенно расскажешь...

– Все, все расскажу!

– И без колебаний подпишешь мне смертный приговор. Не пожалеешь, когда я буду распят, как сообщник Фульвии.

– Ты ничего дурного не сделал, добрый, честный Луктерий. Мой муж не принудит меня к такому несправедливому и ужасному поступку. Я казню тебя безвинно? Ни за что!

– Твой отец покинул твою мать именно потому, что герой ее скандала, гладиатор, был не рабом, а вольнонаемным охотником. Казнить его было нельзя. Я должен быть принесен тобою в жертву доброй молве и мужу. Тебе предстоит на выбор одно из двух – примирение с мужем и моя смерть, или развод и возвращение под опеку деда и родителей.

– К родителям, которые будут колоть мне глаза тем, что я осуждала их за прошлое... ужасно! Ни за что! Но неужели моя мать могла любить этого отвратительного старика-силача, оруженосца моего мужа?! Трудно поверить этому.

– В молодости он был красив, уверяет Мелания, но у твоей матери был и еще фаворит, какой-то певец тоже из греков.

Лицо Амариллы покрылось ярким румянцем. Она закрыла лицо руками от стыда и тихо воскликнула:

– О, зачем, зачем дед взял меня от кормилицы!.. Лучше быть безродным подкидышем, чем иметь такую мать! Я была бы женою рыбака и прожила бы жизнь гораздо спокойнее, чем в чертогах моего мужа-сенатора, не имея возможности никуда явиться от шепота и пересудов о том, что я – дочь скандалистки-преступницы.

– Из трех писем, написанных тобой отсюда, дошло по назначению только одно, адресованное Фульвии. Интриганка пошла в твой дом и предъявила его твоей домоправительнице, чтобы ей не пришлось искать тебя в Риме, а потом это письмо пошло гулять по городу из рук в руки, опутывая клеветой твое доброе имя. Оно попало во власть Клелии, жены Санги.

– Ах! Эта ужасная гордячка, насмешница... она...

– Она наплела на тебя выдумок даже больше и хуже, чем Фульвия. Мои товарищи носильщики избегли казни тем, что ночью после триумфа напали в таверне на гладиаторов Фавсты. Была ужасная драка, целое побоище среди пьяных гуляк из народа, приставших одни к Евдаму, а другие к его врагам.

Твой муж прислал гонца домой с письмом. Что он тебе пишет, я не знаю. С этим письмом сын Санги послал сюда оруженосца. Твоя молочная сестра захотела видаться с тобой, чтобы уговорить убежать отсюда, если ты, как уверяли ее, добровольно гостишь у Цитерис. Гиацинта приехала к тебе вместе с Церинтом, но здесь их схватили и заперли на чердаке одного из флигелей. Третий день они томятся под арестом.

– Ужасно!

– Это еще не самое ужасное. Фульвия – такое чудовище, что истерзает родную мать, если это будет нужно ей. Мне грозили самыми лютыми пытками, если я расскажу тебе об интриге. Я не побоялся этого, Амарилла. Я отказался быть сообщником злодейки. Я ответил, что мне все равно: погибать ли от ее гнева или от мести твоего мужа.

Тогда она объявила мне, что если ты через меня узнаешь о ее замыслах раньше, чем она их исполнит, то тебе все-таки не уйти от нее и Цитерис – тебя принудили бы писать все, что им хотелось, принудили бы, не разбирая способов.

Мне оставалось только действовать хитростью, и я хитрил. Я пел импровизацию, предостерегая тебя, но ты не знаешь по-галльски и уснула под мое пение. Я хотел убить себя, но мне пригрозили, что моя смерть поведет к дурному обращению с тобой.

– И ты думаешь, что после этого я решусь послать тебя на казнь!

– Ты должна сделать это.

– Беги, Луктерий! Ты успеешь скрыться, пока я еще не виделась с мужем. Возьми алмазы, оставленные Цитерис, продай их и беги.

– Покинуть тебя на позор?! Нет, Амарилла, я этого не сделаю. Я примирю тебя с твоим мужем моей смертью, погибну, втайне оправданный тобой, утешенный собственным сознанием своей невинности. Скажи, скажи мне, Амарилла, что я невинен пред тобой!

– Да, да, ты невинен, Луктерий!

– Я раб, но я человек. Презирая, как раба, можешь ли ты уважать меня, как человека? Когда я умру, я не буду рабом – в царстве теней нет ни рабов, ни свободных.

– Я уважаю тебя, Луктерий. Уважаю тебя, доблестный сын вождя, вполне достойный сделаться главой кадурков.

– Амарилла! О счастье!

Они взглянули друг на друга с восторгом. Рука Амариллы, помимо ее согласия, очутилась в руке Луктерия и крепко пожала ее.

– Амарилла, – прошептал он страстно, – скажи мне еще раз, что я ничем не оскорбил тебя!

– Ты ничем не оскорбил меня. Десять дней назад я отдала бы все свои украшения, чтобы спасти от свирепости Фульвии вас, четверых невинных, окровавленных, избитых, исколотых ее иглой, а теперь... теперь, Луктерий, я отсеку свою руку скорее, чем подпишу приговор твоей гибели.

– Ты должна сделать это как супруга Аврелия Котты. Теперь, в минуты горя, ты чувствуешь себя неспособной на это, но потом, когда успокоишься и поразмыслишь хладнокровнее, ты скажешь, что поступить иначе невозможно.

Лишь только вчера Фульвия послала твое письмо Амизе и верная домоправительница, исполняя твое приказание, выраженное в письме без пометки дня и числа, отдаст в распоряжение Фульвии как подателя письма твою повозку и слуг. Фульвия, распустивши молву о дружбе твоей с Цитерис, намерена сегодня утром доставить твое письмо сыну Санги – письмо, как и все три, не помеченное числом. Завтра, о котором ты писала, может оказаться и через год таким же завтра, каким оно было десять дней назад, поэтому молодой Фабий подумает, что письмо писано тобой вчера.

Мелания и Цитерис ежедневно пересылались гонцами с Фульвией. От них и мне стало известно все.

Узнавши из городских сплетен, куда ты попала, Фабий вспылел и назвал тебя глупою, а его мать вышла из себя от гнева на твоего мужа за его брак, совершенный по желанию одного твоего деда вопреки всей прочей родне.

Цезарь, любитель всевозможных скандалов, в которых замешаны женщины, узнав о твоем поступке от Клелии, заинтересовался твоей личностью до того, что решился посетить виллу Цитерис, чтобы видеть тебя.

Разведав об этом, Фульвия придумала послать сыну Санги твое письмо так, чтобы оно попало в его руки, когда он будет в цирке вместе с Цезарем. Подателем письма окажется сама Цитерис, а так как ты просишь Фабия следовать за подателем к твоему экипажу, то он и последует за Цитерис сюда, а за ним и Цезарь.

Злодейки отобрали у тебя все платье. Я знаю об этом. Твое платье и драгоценности теперь весь город видит в цирке на Цитерис, как доказательство вашей дружбы, а на тебе... я знаю, что надето на тебе под этим покрывалом.

– Самое неприличное платье плясуньи. Я надела его по необходимости. Я все поняла, Луктерий, все! Горе мне, бедной! Ах, зачем, зачем я осуждала мою мать!

– Цитерис привезет сюда Фабия, Цезаря и еще целую толпу молодежи. Они увидят тебя в этом костюме вдвоем со мной. Напрасно будешь ты бросать злодейке в лицо ее алмазы, оставленные тебе, напрасно будешь оправдываться и браниться! Клевета уже сделала свое дело.

Тебе надо бежать отсюда, Амарилла, пока они не приехали, но бежать тебе следует не в Рим – там на каждом шагу грозят тебе скандалы, – бежать надо к мужу в Этрурию и, если он еще жив, принести к ногам его твои слезы, мольбы и... меня. Все, что я сказал, обдумай здесь одиноко без помехи, а я пойду освободить от ареста твою молочную сестру и Церинта.

Пока Луктерий говорил, Амарилла выплакала все свои слезы. Смерть невинного, любимого ею галла, или вечный позор, развод с мужем, справедливый укор от осужденных ею родителей и деда – вот ультиматум, поставленный ей роком.

Мысли Амариллы положительно спутались. Она ничего не могла придумать ни для настоящих, ни для будущих действий. Ей казалось ясным одно – Церинт-Разиня больше всех виноват в ее беде, неосторожно сообщив ей о мнимой гибели мужа. Если бы Разиня имел в голове своей побольше здравого смысла, то Амарилла, может быть, не попала бы в сети. И Амарилла винила Разиню. Все остальное представлялось ей как бы в тумане, среди которого Луктерий, в ореоле своей честности, сиял ей, как единственная звезда во мраке, а эту звезду она должна погасить. То ей хотелось умереть вместе с ним, то она надеялась смягчить мужа мольбами о пощаде невинного и примириться с ним без такой жестокой меры. Вдруг ей вспомнилось, что ее муж не эмансипирован – что он сын отца своего, не отделенный по закону и, следовательно, если он простит ее, то его гордый, суровый отец имеет право развести его с женой насильно, даже если будет казнен Луктерий.

Что же ей делать? Она думала, думала, но не решилась ни на что в целый час времени.

Характер Амариллы был не из твердых. Как у нее не достало энергии, чтоб после свадьбы подняться во мнении родни мужа, точно так и теперь она не нашла в себе душевных сил, чтобы смыть позор каким-нибудь отчаянным поступком, тем более, что над ее умом и сердцем господствовала любовь, только вчера вполне осознанная ею в минуту признания перед Цитерис – любовь страстная, первое настоящее увлечение ее молодого сердца.

Ей надо казнить любимого человека, чтобы жить мирно с мужем, к которому она чувствует только симпатию давней дружбы, как к Фабию и другим. Разве это возможно?

Луктерий не хочет бежать. Он сам добровольно идет на рабскую смерть, чтобы очистить ее от клеветы перед мужем, если не перед всеми. Разве такое самопожертвование не доказывает с его стороны любви до обожания, любви, с которой ничто не сравнимо, любви, достойной награды лучшей, чем смертный приговор?

Амарилле ни на миг не пришло в голову, что все это со стороны галла могло быть лишь маской, ловко надетой при помощи хитрой Мелании.

Глава IX

Что теперь делать?

Амариллу окликнули. По дорожке парка к ней шел Луктерий с Гиацинтой и Церинтом. Амарилла подбежала к молочной сестре и долго безмолвно целовала ее.

Когда порыв обоюдного волнения миновал, Гиацинта первая прервала неловкое молчание.

– Останавливала я тебя, Амарилла, удерживала, чтобы ты не совалась в чужие дела, – тихим голосом сказала она с оттенком упрёка, – от этого всегда бывают беды.

– Вспомни, Гиацинта, что я спасла утопавшего старика Вариния, когда услышала его крики. Никакой беды тогда не вышло. Вся беда вышла оттого, что бабушка, сославшись тайно моих родителей и распустив молву об их смерти, отвергнул меня без сожаления и отдал твоей матери, а потом, когда я привыкла к рыбацкой жизни, взял меня от вас и отдал меня за знатного. Муж покинул меня через три дня после свадьбы, а Церинт – этот долговязый разиня – испугал меня вестью о смерти моего мужа.

– Амарилла, милая сестра моя! Я не виню тебя, мы всегда с самой колыбели сильно любили друг друга. Не таись, Амарилла, предо мной, скажи мне все. Ведь на самом-то деле ты не изменила мужу?

Амарилла впервые осознала, что не может отвечать молочной сестре без запинок, как прежде. Она осознала, что между нею и Гиацинтой встало что-то роковое. Впервые в жизни она уклонилась от прямого ответа и замяла разговор, обратившись к Церинту:

– Ты, разиня, во всем виноват. Ты напугал меня до обморока. Почему ты думал, что наш Аврелий убит? Расскажи, как было дело, если твоя бестолковая голова помнит что-нибудь.

Долговязый рыжий молодец, совершенно сбитый с толку событиями последних дней, все время стоял, растопыря руки. Он отчего-то полагал, что Амарилла бросится к нему на шею, и готовился принять ее в свои объятия, но когда она бросилась к его сестре, так и остался стоять ошеломленный, вытянув руки вперед. Гневная речь Амариллы положила конец его столбняку. Церинт провел грязной ладонью по своим косматым рыжим волосам и ответил:

– Как было дело... право, сразу не припомню, как... было сражение... меня хватили чем-то по каске, да ничего – голова уцелела. Потом пырнули выше локтя, да ничего – и рука уцелела. Когда кончилась битва, а это было уже под вечер, я перевязал руку и пошел с нашими подбирать раненых. Вдруг мы видим... нет, соврал... сначала послышалось, что кто-то не то стонет, не то кличет. Вслушиваемся – кличут Фабия. Фабий побежал на голос, мы за ним с факелами. Видим, у речки хлопчут наши солдаты, а между ними Аминандр и Аврелий. У Аминандра разворочена вся кисть правой руки. Аврелий говорит, что ранен опасно и прощается с Фабием перед смертью, но потом он встал и пошел – его повели под руки, – хочу, говорит, дойти до лагеря, чтобы умереть там, а не в поле.

Ранен он вот в это место, промеж ребер, вот такая широкая рана. Мы пошли дальше. Шли, шли... подбирали раненых. Тут Анней, рядовой пятого легиона, закричал со смехом, что лежит баба перенаряженная, и дернул ее за косу. Аврелий наклонился и во все горло закричал, что это его мать. Она с трудом приподнялась и заругалась на него по-гречески. Я ничего не понял. Господа все по-гречески говорят, даже перед смертью¹¹. Вдруг она опрокинулась на спину да и померла. Мы оглядели ее, она вся изранена. Потом Аврелий вскрикнул и тоже опрокинулся. Аминандр и Анней подхватили его, кровь из его раны потекла ручьем. Аминандр просил нас скорее идти за носилками, уверяя, что нести его господина на руках нельзя. Мы все

¹¹ Мода на греческий язык в ту эпоху у римлян изумительна. Даже такой патриот, как Юлий Цезарь, умирая под ударом кинжала Брута, сказал ему: «Καὶ σὺ εἰ ἐκεῖνον, καὶ σὺ τεκνον!», а Помпей в момент своей смерти цитировал Софокла.

пошли, но по дороге пришлось взять еще нескольких раненых. Кого повели, а кого понесли. Лагерь был неблизко. Мы промешкали с носилками до зари, а когда явились – ни Аминандра, ни Аврелия не было на том месте, где мы их оставили. Солдаты стали толковать, что он помер да зарыт, а Аминандр ушел куда-нибудь в деревню лечиться. Потолковали, потолковали, да так и ушли.

Прошло три дня. Аминандр не явился в лагерь, и не до него нам было – суматоха страшная! Мертвецы, раненые... Одних надо жечь или зарывать, других – перевязывать, кормить. Кроме того, обирали по полю добычу с мертвых заговорщиков, не жалея и своих покойников... у кого кошелек стянули, с кого платье или оружие – пригодится. Потом снялись и пошли сюда, забыв Аминандра с Аврелием.

– Ты дурак, Церинт, настоящий разиня!

– Почему же я знал, Амарилла, что ты, ставши благородной, будешь падать в обмороки, как делает госпожа Клелия? Когда ты у нас жила, ни разу от тебя этого не видано. Что я знал, то и поторопился сказать по простоте сердечной.

– И по глупости умственной! – добавил Луктерий со смехом. Церинт надулся и замолчал.

– На другой день после триумфа от Аврелия явился гонец, – сказала Гиацинта, – это был какой-то странный человек. Он назвался купеческим приказчиком из Фезул, но похож больше на жида. Я в нем сразу почуяла прониру. Никакого толку мы от него не добились. Заладил он одно – что в письме все объясняется, а где Аврелий и Аминандр и что с ними творится, – так и не развели.

В доме у тебя, Амарилла, все кверху дном – ужасный переполох среди прислуги. Одни бранят тебя, другие защищают, а что я слышала о тебе в городе и от моего мужа – не перескажешь. Вот письмо, привезенное гонцом. Я его побоялась читать, не спросивши тебя. Прочти его, сестра, да и уедем скорее домой.

Амарилла прочла:

«Кай Фламиний Фламма внучке своей, Рубеллии, шлет привет. Я случайно нашел твоего мужа без чувств раненым на поле битвы под Фезулами. Бывший с ним слуга просил меня приютить их где-нибудь, потому что шел сильный холодный дождь со снегом, а из лагеря не присылали за раненым носилок. Я приютил их. Где? – этого я не могу доверить письму, потому что вынужден скрываться от сыщиков Цицерона. Рана слуги, полученная в кисть руки, разболелась, поэтому он не мог сделать приписки. Твой муж болен почти безнадежно. Я стар, чтобы ухаживать за двоими, а слуг у меня нет – погибли в битве за дело, которому я служил.

Приезжай, Рубеллия, принять последний вздох твоего мужа или избавить меня от необходимости дальнейшего ухода за двумя больными без всяких лекарств и денег. Я должен покинуть окрестности Фезул, спасая себя от преследований консулов. Я рискнул остаться при твоём муже только ради памяти его матери Семпронии, доблестно погибшей, как воин, с мечом в руке.

В Фезулах спроси обо мне у менялы Мельхиседека. Этот еврей знает мой приют и проведет тебя к мужу, если ты покажешь ему это письмо».

– Это письмо не от Аврелия, а от дяди моего отца, – сказала Амарилла, прочитавши вслух, – мне надо бы непременно ехать в Фезулы в тот же день, когда прибыл гонец, а теперь... уже восемь дней прошло с тех пор... как ты думаешь, Гиацинта? Он уже, может статься, умер, а я не нужна.

– Надо бы посоветоваться с Амизой, сестра, – отвечала молодая в раздумье, – она одна у тебя из всей прислуги умна и опытна, притом же она – жена Аминандра и ей тоже близко это дело. Жаль будет старуху, если и ее муж умрет! Она бездетная, и они очень любили друг

друга. Этот твой новый дед, Кай Фламиний, мне не нравится. Он был заговорщиком, кто его знает, что он за человек! Еще, пожалуй, попадешь из ловушки в ловушку. Наши знатные – такие все... или гордецы, к которым не подступайся да ни в чем им не перечь, как твой свекор и Клелия, или – разбойники, как Фульвия, от которых (спаси нас бессмертные!) нужно бежать во весь дух.

– Да, Гиацинта. Я теперь боюсь всего и всех.

– Ох, сестра! И моя голова скоро треснет от дум горемычных.

– Госпоже нельзя ехать в Рим, – твердо и решительно заявил Луктерий. – Госпожа может дорогою встретиться с Цитерис и молодежью, а это платье... оно совсем сконфузит ее.

– Мы поменяемся платьями, – сказала Гиацинта, – я не сенаторша, я возьму весь ее стыд на себя.

Она смерила Луктерия с головы до ног не совсем приветливым взором, как бы досадуя, что какое-то еще третье лицо смеет так нагло вмешиваться в дела между нею и Амариллой. Но галл не смутился от этого взора.

– На госпожу это платье едва годилось, – возразил он без запинки, – а на твои плечи вовсе не влезет... по швам раздерется и все пуговицы отлетят.

Церинт поглядел в эту минуту на костюм Амариллы, а потом на свою толстую, краснощекую сестру и расхохотался, схватившись руками за бока, как хохочут деревенские молодцы, не удерживаясь и ничуть не стесняясь.

Его хохот смутил Гиацинту. Молодая купчиха теперь, в свою очередь, надулась и замолчала, мысленно ругая и Луктерия, и своего брата.

– Что же, по твоему мнению, нам следует предпринять, Луктерий? – спросила Амарилла.

Все эти четверо были один другого моложе. Предоставленные теперь самим себе в полное распоряжение, они, юные и неопытные, не знали, на что им решиться. Среди них двадцатидвухлетний Луктерий оказался самым старшим и притом человеком «себе на уме», наученный Меланией, как действовать. Он принял на себя роль наставника и принялся командовать бедными жертвами интриги, попавшими под его власть.

– По моему мнению, – начал он, – нам следует так перехитрить врагов госпожи, чтобы они оказались ни при чем, и в то же время получить возможность замять эту скандальную историю. Амиза-домоправительница и слуги не знают, сколько времени Гиацинта и ее брат просидели здесь под замком. Пусть же они думают, что вам удалось вовремя открыть госпоже глаза на интриги, а госпожа будто, ночевавши здесь только одну ночь, бежала и отправилась в Этрурию. Твой супруг, госпожа, если он любит тебя, подтвердит эту невинную выдумку в Риме, и скандал будет устранен.

– А если мой муж умер?

– Мы что-нибудь придумаем дорогой. Пойдем, госпожа! Мы должны успеть уехать от Цитерис и ее гостей. Эта вилла недалеко от Тибура на реке Анио. Добравшись до этого городка, ты продашь алмазы Цитерис, купишь себе другое платье, наймешь лодку, спустишься по Анио и Тибру до Остии, пересядешь на корабль и благополучно уплывешь к супругу.

Луктерий горделиво стоял перед своими слушателями, живописно драпируясь в красивый чистый гиматий – плащ греческого покроя. Позой и голосом он был похож скорее на вождя-повелителя, чем на раба.

Практичная Гиацинта, не замечая никаких этих художественных прелестей, попробовала возразить галлу, опираясь на тот факт, что не только Амарилла заинтересована в судьбе Аврелия, но это дело одинаково близко и сердцу ее умной домоправительницы, которая не меньше своей госпожи встревожена ложною молвою как жена Аминандра-оруженосца, – следовательно, Амарилле непременно нужно надо взять с собой в Этрурию Амизу.

Эти доводы Красной Каракатицы не имели успеха, как потому, что Амарилла не любила Амизу за ее старческую ворчливость, так и вследствие ее полного согласия со мнением Лук-

терия. Она готова была теперь идти за ним, куда бы он ни повел ее, хоть на край света. Она уже вполне подчинилась влиянию своего избранника.

Глава X В Фезулах

Луктерий перевез своих спутников через озеро в лодке. На другом берегу он добыл у поселян телегу с тройкой лошадей и направил проселком в город Тибур. Дорогою он описал Амарилле тысячи неудобств, ожидающих ее при морском путешествии и тысячи выгод при сухопутном. Результатом этого было ее согласие ехать в телеге до самых Фезул. Галл заплатил поселянину за телегу и лошадей очень щедро из внезапно явившегося у него объемистого кошелька и передал вожжи Церинту, усевшись без церемоний на главное место рядом с обеими женщинами. Гиацинта чуть не каждую минуту заводила с ним спор, почти выводя из терпения вспыльчивого юношу. Сердце ее чуяло врага и в нем, как в Фульвии. Амарилла, напротив, во всем соглашалась с ним, привыкая к нему изо дня в день сильнее. По ее мнению, Луктерий был во всем прав, все было ловко, умно и честно, что бы он ни посоветовал, особенно в те минуты, когда он намекал ей на необходимость его казни. Тут Амарилла забывала все на свете, придумывая всякие способы для его спасения и умоляя помочь ей, как будто гибель грозила ей, а не ему.

– Что ты, неугомонный петух¹², заладил петь одно и то же! – говорила Гиацинта. – Надо тебе умереть, так и помирай без всяких церемоний. С чего ты увязался за нами?! И без тебя могли бы доехать. Очень нужна твоя смерть Аврелию! Выдумал да заладил толковать про это! Слушать тошно!

Некоторое отчуждение, возникшее между Амариллой и ее молочной сестрой, росло с каждым днем. Красавицу тяготило простодушие Гиацинты, ее довольство семейным счастьем. Ей несносно было слушать, когда та вспоминала своего и ее мужей, умоляя богов поскорее восстановить силы Аврелия, чтобы он взял свою жену и ее поскорее домой из трущобы, куда они идут. Гиацинта, споря с Луктерием, придиралась ко всяким пустякам. Ей казалось: не беда, что они на десять дней запоздали. Аврелий давно умер бы, если б его рана была смертельной, но если он был жив за неделю до триумфа, то, конечно, жив и теперь и останется жив, потому что молод и крепок, а его оруженосец, служивший прежде в гладиаторах, умеет лечить всякие раны искуснее врача.

Алмазы Цитерис, говорила Гиацинта, Луктерий слишком дешево продал, за них дали бы втрое дороже. Ей не нравилась роль советника-ментора, взятая им на себя. Сердце ее рвалось от ревности при виде предпочтения, оказываемого Амариллой этому дикарю перед нею, доселе обожаемой подругой-сестрой.

Луктерий сначала спорил с Гиацинтой, рассуждал, но потом стал отвечать ей только презрительными взглядами и подергиванием плеч. Он был человек в высшей степени смелый¹³, который не останавливался ни перед чем, если что однажды задумал. Он полностью чувствовал себя теперь на свободе, ощущал себя вождем пассажиров своей телеги, пока ему еще не удалось попасть в вожди кадурков. Он пел то веселые, то грустные песни, настраивая расположение духа Амариллы, как ему хотелось. Он неумолчно болтал о своих былых и небывалых подвигах на войне и охоте, о простоте, честности, справедливости его соотечественников, о привольном житье в авернских горах, куда стремилось его сердце. Равнодушие, с каким Амарилла упоминала о возможности не застать мужа в живых, убедило Луктерия, что она Аврелия никогда не любила очень сильно, а только видела в нем друга, опору жизни, лишение которой причинило

¹² Народ, населявший в те времена нынешнюю Францию, называл себя «гаэло». В греческом произношении это слово превратилось в «кельты», а римляне сократили его в «gallus», из чего вышла отчасти насмешливая двусмысленность, потому что gallus значит петух, а галлы отличались задорным характером и болтливостью.

¹³ Так характеризует его личность Цезарь в своем сочинении De bello.

ей горе и обморок. Как жить без покровительства Аврелия? – вот что сразило ее, а не сам факт его смерти. Она горевала о нем, как горевала бы о смерти мужа Гиацинты, Церинта, Фабия и других друзей детства.

Склонность Амариллы к простой жизни, восхищение, с которым она говорила, что хоть ненадолго избавилась от тяготившей ее роскоши, наконец, ее необширное образование – все это ручалось за прочность счастья в будущем. Амарилла не любит своих родителей, не знает и не чтит древних преданий своего отечества – что же помешает ей быть счастливой в Галлии подле любимого человека? Луктерий не сомневался ни в том, что доставит ей счастье, ни в том, что сам будет счастлив, и расставил ей сети, глядя на будущее сквозь розовый туман грез о любви.

Был тихий и теплый вечер. Солнце только что село. Миндальные деревья, сливы, яблони распространяли аромат своих первых цветов в маленьком садике, находившемся при гостинице, единственной в Фезулах – небольшой крепостице, построенной в эпоху Пунических войн на высотах Апеннин близ реки Арно, снабжавшей водою как эту местность, так и соседние военные поселки римлян – Флоренцию и Писторию¹⁴.

Гостиница находилась в самом плачевном состоянии. Кроме гарнизонных солдат крепостицы, заходивших распить тут кружку плохого пива или кислой кальды¹⁵, ее редко кто посещал. Путешественники предпочитали останавливаться во Флоренции, расположенной в долине, чем карабкаться на крутую гору Фезул.

На втором этаже этой гостиницы, в маленькой комнатке у единственного окна, выходящего в сад, одиноко сидела Амарилла, глядя вдаль с тоской. Уже несколько дней прожила она тут, не получая до сих пор никаких известий о своем муже.

Но не о судьбе Публия Аврелия горевала красавица...

Эта бедная комнатка с деревянными кроватями и соломенными тюфяками вместо лебяжьих перин на бронзовых ложах, с расписными сундуками в ярких узорах, заменявшими причудливые комоды и черепаховые ларцы, с глиняным ночником, подвешенным к потолку на проволоке, вместо серебрянных канделябров... Эта комнатка напомнила Амарилле ее недавнее прошлое – как она всего три месяца тому назад, считаясь безродным подкидышем, жила у своей кормилицы, строго хранившей ото всех тайну ее рождения.

Дико было робкой простой девушке внезапно очутиться в дивных чертогах своего деда среди роскоши! Несмотря на все ласки деда и жениха, богатство тяготило ее, а когда после свадьбы муж уехал от нее в поход, Амарилла положительно не знала, чем убить время в своих огромных комнатах, непривычная к забавам знатных. Она привыкла стирать, мыть белье и посуду, шить новое платье и чинить старое. Все это стали делать за нее другие. Амарилла умела читать, но не могла посвящать много времени литературе, не приученная интересоваться ею. Она, как многие поселянки того времени, слагала стихи и песни для своих подруг. Теперь не для кого стало слагать их: подруга осталась только одна – Гиацинта, но и с нею Амарилла ладила не во всем. Различие характеров портило гармонию дружбы молочных сестер. Красная Каракатица, сделавшись женою купца и портнихой, мечтала только о том, как бы попростее отделать свою квартиру и как бы побольше навесить на себя всяких бус и подвесок. Понятно, что при таких склонностях она могла быть портнихой только низшего разряда – у нее не было изящного вкуса, не было и заказчиков из знати. Гиацинта работала только на купеческих жен и дочерей.

¹⁴ Все это так близко между собой, что одни историки называют местом гибели Катилины Фезуланское поле, а другие – долину Пистории. Флоренция стала большим городом, но другие два поселка и доньяне таковы же, как были тогда.

¹⁵ Горячий напиток из красного вина и воды.

Другую страстью Красной Каракатицы была страсть ко всяким духам, помадам, притираниям, курениям, сладким пирогам и пряникам. Она целый день чем-нибудь мазалась и что-нибудь жевала, несмотря ни на какую спешную работу.

Приехав в Фезулы и осмотрев единственную годную для нее и Амариллы комнату в гостинице, Гиацинта всплеснула руками, воскликнув: «Опять, сестра, мне придется спать на гадкой жесткой соломе, как у батюшки в деревне! Ах, какая гадость!»

Она вспомнила свою квартиру с красными и желтыми стенами, свою мебель с пестрыми, мягкими подушками на сиденьях, вспомнила своего милого ласкового мужа и залилась горькими слезами, видя в перспективе долгое житье в этой отвратительной гостинице и вдобавок ухаживание за раненым мужем молочной сестры.

На Амариллу, напротив, эта комната произвела приятное впечатление.

– Здесь нам будет удобно, – сказала она, развязывая небольшой узелок багажа, – Луктерию и Церинту хуже нашего внизу.

Они стали жить в этой комнатке – одна с тоской, а другая спокойно.

Дабы избежать любопытства и толков праздных зевак, Луктерий приобрел обеим женщинам самые простые одежды и представлялся в гостинице как купец-аллоброг из Женевы, муж Амариллы, а Гиацинту и Церинту представлял как ее сестру и брата, провожающих их на север после свадьбы. Паспорт и другие документы добывались и требовались тогда только в исключительных случаях, например, в военное время.

Убежденная доводами Луктерия, вопреки Гиацинте, Амарилла согласилась считаться его женой в гостинице. Она ходила под руку с Луктерием, улыбалась, когда, обедая и ужиная в общей столовой, он называл ее «милая» и «радость моего сердца», а в одиночестве наверху грустно вздыхала о том, что это одна мистификация, и грубо прерывала Гиацинту, когда та начинала бранить «командира петушьего строя» за его дерзость.

Гиацинта, соскучившись в гостинице, стала бегать с братом по городу, развлекаясь жеванием отвратительных засохших пряников, сушеных смокв и черствых пирогов с медом.

– Когда же наконец мы увидим Аврелия или услышим о нем?! – тоскливо и сердито восклицала она каждый вечер, ложась спать. Ответом ей были вздохи Амариллы, но вздохи не о муже, а о том, что близость этого свидания есть близость казни Луктерия, решившего умереть ради спасения ее чести. Церинт относился ко всем приключениям последних дней равнодушно, почти с полной апатией. Разине было все равно, где жить и кому служить. Фабию в мирное время оруженосец стал не нужен. Разиня беспрекословно превратился в кучера Амариллы, лишь бы его кормили и обещали дать хоть маленькое денежное вознаграждение. Нужны были сильные толчки горькой судьбины, чтобы разбудить ум и сердце этого молодца, еще никого сильно не любившего и не обиженного никем. Он правил лошадьми и ходил за ними по приказанию Луктерия, нимало не обижаясь тем, что им, свободным сыном отпущенника, командует раб. Он молчал, не вмешиваясь в разговоры и не интересуясь ничем. Разиня постоянно дремал, если у него не было в руках спешного дела. Он дремал и за едой, лениво пережевывая пищу, не разбирая, из чего она состряпана. Дремал и во время езды, полагаясь больше на самих лошадей, чем на свое кучерское искусство, в котором ничего не смыслил. Глупо потер плечо и даже не выругался, получив однажды тумака от Луктерия за то, что направил лошадей в канаву.

В первый вечер Луктерий сообщил женщинам, что он нашел жилище еврея Мельхиседека, а во второй, пройдя целый день, принес известие, что Мельхиседек уехал на несколько дней в Писторию.

– После письма Фламмы прошло так много времени, что этот старый заговорщик, может быть, отчаялся получить ответ и освободил менялу от необходимости сидеть дома, чтобы ожидать тебя, – сказал он Амарилле.

Прошло еще несколько дней, а Мельхиседек, по словам Луктерия, все еще не приехал домой.

Амарилла сидела одиноко в своей комнате у окна, рассеянно и печально глядя на садик, полный цветущих плодовых деревьев, и на далекий ландшафт, озаренный лучами заходящего солнца. Нерадостно было на сердце ее, хмурилось очаровательное личико красавицы, а из ее глубоких синих очей тихо струились слезы. У нее только что произошла крупная перебранка с Гиацинтой.

– Морочит тебе голову этот петуший командир! Солдаты внизу болтали, будто видели Мельхиседека вчера здесь, – вот слова, сделавшиеся причиной ссоры молочных сестер. Одна нападала на Луктерия, другая защищала его.

Если еврей ненадолго приезжал и солдаты видели его, то, по мнению Амариллы, это не доказывало ничего дурного со стороны галла. Луктерий мог не видеть менялы, а просить доложить о нем было некому – у еврея в доме не было слуг, кроме какой-то глухой и глупой старухи, которая могла забыть его просьбу.

Гиацинта вспыхнула и ушла с братом бродить по городу, набивши рот пряниками.

– Если через три дня жид не найдется, я уеду, – сказала она почти со слезами, – мне невыносимо надоело жить тут безо всякого дела, а мой Леонид, думаю, волосы на себе рвет, опасаясь, что я попаду в ловушку. Я люблю моего мужа не по-твоему! Я не доверила бы поисков дерзкому рабу, а сама бы обшарила все горы и долины. Камни сказали бы мне о моем милome. А ты... тьфу! Я уеду, а ты останешься одна со своим галлом!

Это были первые в жизни резкие слова, слышанные Амариллой от молочной сестры, с которой она даже в детстве из-за игрушек не ссорилась.

После того, как Гиацинта убежала, сердито хлопнув дверью, Амарилла долго просидела у окна, думая, думая, но по своему обыкновению, не додумываясь ни до какого решения сама собой без чужой помощи.

Дверь тихонько скрипнула, и на пороге явился Луктерий.

– Госпожа! – тихо позвал он. Амарилла вздрогнула и оглянулась.

– Добрый вечер, Луктерий! – ласково сказала она с улыбкой.

– Добрый для тебя... мой час настал.

– Твой час?

– Да... смертный час... пойдем скорее до наступления темноты.

– Куда?

– К Мельхиседеку. Старый жид, занимаясь контрабандой и всякими темными делами, то приезжал сюда, то уезжал, ускользая таким образом от нас. Наконец мне удалось поймать его, но он не верит письму Фламмы в моих руках, а требует лично тебя и укажет дом Фламмы, если твоя наружность окажется похожей на описанную ему заговорщиком.

– Фламма никогда не видел меня, я не имела никаких сношений с родней моего отца.

– Оруженосец твоего мужа сообщил Фламме сведения о тебе.

– Оруженосец? А мой муж?

– Я ничего не знаю. Пойдем!

– Где Церинт и Гиацинта?

– Некогда их искать... бродят где-нибудь по городу... пойдем к жида, пока он не скрылся опять.

Амарилла накинула теплое покрывало и вышла под руку с Луктерием из гостиницы.

– Скажи Гиацинте и ее брату, чтоб они не тревожились о нас, – обратился Луктерий к старому прислужнику гостиницы, – я иду с моей женой осматривать Фезуланское поле, где была битва с Катилиной. Мы, может быть, не вернемся до утра, если темнота застигнет нас... переночуем у крестьян или во Флоренции.

– Пойдем, моя милая! – сказал он Амарилле. Они ушли из гостиницы в дом менялы – это была лачужка среди огорода на окраине города.

Жид только считался городским ростовщиком и менялой, но Фезуланская крепость была так малолюдна и незначительна, что никаких доходов от подобной профессии в ней нельзя было получить. Мельхиседек жил тут, потому что это укрепление было захвачено Катилиной благодаря измене гарнизонного командира. Жид был агентом и укрывателем контрабандистов и всякого сброда, стекавшегося в шайки Катилины, а после его поражения снабжал провизией и пересылал письма родным от немногих заговорщиков, уцелевших от фезуланской резни и укрывшихся в горах. В числе их уцелел и Фламиний-Фламма¹⁶, старый помещик, приютивший мужа Амариллы.

Не без робости переступила красавица порог лачужки под руку с Луктерием, окинула ее внутренности мимолетным, смущенным взором. У стола сидел толстый старик с густою длиною бородой, с шапкой на голове. Грязная лампа тускло освещала его фигуру и незатейливую меблировку квартиры.

Несколько минут прошли в молчании. Еврей пристально глядел на Амариллу.

– Высокая, стройная, голубые глаза, темно-русые волосы... это она, – тихо и отрывисто проговорил он сам с собою, – там барыш и тут барыш... ох, Адонай, прости мне грех мой! – и тяжело вздохнул.

– Подойди, благородная Рубеллия, – обратился он к Амарилле, – ты пришла узнать о твоём супруге?

– Да, почтенный Мельхиседек, – ответила Амарилла, вздрогнув, – я пришла просить тебя указать мне жилище дяди моего отца (*patruus patris*), если можешь сообщить, что ты знаешь о моем муже. Я должна была давно приехать, но не могла по разным причинам. Без меня могли произойти события, которых не ожидал мой дед и не мог сообщить мне.

– Да, матрона, – угрюмо ответил еврей с новым вздохом, – время не ждет нас, время летит и многое косит неожиданно. Ты должна была приехать раньше... тогда я мог бы показать тебе больше, чем могу теперь.

– Больше, чем можешь теперь?

– Время улетело и многое унесло на острие косы своей.

– Одно слово, Мельхиседек, – мой муж жив?

Еврей, казалось, колебался ответить. Из груди старика вылетел новый вздох, а его умные черные глаза с недоверчивостью покосились на галла. Луктерий подошел к нему и о чем-то несколько минут переговаривался шепотом. Эти переговоры были истолкованы Амариллой, как и все, касавшееся Луктерия, превратно. Красавица подумала, что старик боится сразить ее вестью о смерти супруга, а галл учит его, как это сообщить осторожнее. Не получив ответа, Амарилла сказала:

– Если моего мужа нет в живых, говори мне об этом прямо, почтенный Мельхиседек. Я уже приучила себя к мысли о вдовстве, если боги судили так!

– Иди за мною! – сказал еврей, не отвечая на вопрос.

Он вывел Амариллу и Луктерия за город через маленькую калитку в крепостной стене, тайком пробитую заговорщиками и заслоненную кустом орешника.

С каждой минутой сумерки сгущались над маленькой крепостицей, основанной на вершине крутой горы. Когда еврей спустился в долину Арно, сделалось совсем темно. Амарилла боязливо следовала за стариком, личность которого казалась ей страшной, потому что он ростовщик и помощник заговорщика Фламмы.

Луктерий предложил ей опять свою руку. Амарилла взяла его под руку без колебаний.

¹⁶ Римляне, чтобы тратить меньше бумаги, потому что книгопечатанья тогда еще не было, писали с большими сокращениями. Буква часто заменяла у них целое имя, а если переписчик был не совсем сведущ или невнимателен, то от этого происходили недоразумения. Историки называли Фламиния-Фламму и Каем, и Квинтом, и Квинкцием.

– Позволь мне в последний раз пройтись с тобою, госпожа! – шепнул он. – Мы сейчас увидим твоего мужа... мой смертный час близок... Амарилла, ты не презираешь меня?

– За что же мне презирать тебя? – так же тихо отозвалась она. – Я не выдам тебя, дорогой мой... я спасу тебя.

Ей вспомнились все услуги, оказанные ей Луктерием во время путешествия. Вспомнилось, как он усаживал ее в телегу и высаживал из нее, как укутывал своим плащом ее ноги от ночного холода, как хлопотал, чтобы добыть лучшую провизию и прислуживал во время неприхотливой закуски на привале, стлал ей постель из травы, старался развлечь ее беседой. Ее любовь укоренилась в сердце. Луктерий был в ее глазах идеалом героя, лишиться которого она была уже не в силах.

– Я сам хочу смерти, – сказал он, – сам отдамся на суд твоего супруга, я не хочу, чтобы ты спасала меня, я должен умереть.

– О, ни за что! Ни за что! Я умру, если ты погибнешь!

– Амарилла! Разве я могу видеть тебя супругой другого? Разве ты не поняла, что в моем сердце возникло роковое чувство, о котором раб не имеет права даже помыслить?

– Увы! Я поняла это.

– Ты поняла... ты поняла, значит, что влечет меня к смерти, поняла, вследствие какой причины я не бегу от руки правосудия. Не имея ни права, ни возможности достичь чего-нибудь лучшего, я решился на последнее, что осталось мне – умереть за тебя, за твою честь.

Он нежно и крепко поцеловал ее руку.

– Не оскорбляйся, что я позволил себе счастье в первый и последний раз прикоснуться устами к твоей руке, добрая, великодушная, божественная Амарилла! Я теперь умру спокойно.

– О, доблестный Луктерий! Не говори о твоей смерти, это невозможно.

Еврей привел своих спутников в хижину, устроенную внутри горной пещеры. Там было темно и пусто. Вороха соломы, служившей постелью нескольким обитателям, и кучка углей на очаге свидетельствовали, что здесь когда-то жили люди, но теперь едва ли кто обитал, потому что Амарилла не заметила ни белья, ни посуды, ни мебели, кроме двух больших гладких камней и каких-то глиняных черепков.

– Вот дом Фламмы, где он укрылся после битвы, – сказал еврей, воткнув свой факел в золу очага.

– А где мой муж? Где мой муж? – спросила Амарилла, ее сердце учащенно забилося от наплыва разных чувств.

– Твой супруг спал на этой соломе, пока мог спать сном живых.

– Сном живых... он скончался?

– Твой супруг спал тут со слугой... слуга теперь в Риме.

– А мой муж? Умер он? О, не терзай! Скажи мне все!

– Умер. Умер через три дня после отправления письма к тебе. Ты успела бы проститься с ним, если бы тогда же устремилась сюда на переменных лошадях.

Амарилла глубоко вздохнула.

– Это воля сребролукого Аполлона... Что говорил мой муж обо мне перед смертью?

– Ничего, матрона. Он все время только стонал или спал... так и не очнулся. Фламма после его смерти уехал в Массилию – пристанище всех добровольных изгнанников, а слуга твоего мужа – в Рим. Вот все, что я могу сообщить тебе. Я даже не знаю, где Фламма и слуга похоронили пепел твоего мужа.

Амарилла села на камень и задумалась, в сущности, не думая ни о чем. В эти дни она до того успела свыкнуться с мыслью о возможности не застать мужа в живых, что весть о его смерти несколько не удивила ее. Она задумалась по-прежнему над неразрешимым вопросом, что ей теперь сделать – возвратиться ли в Рим или же, не заезжая туда, плыть в Помпею к деду и родителям. Среди хаоса неразрешенности у нее возникла и еще хуже сбивала с толку мысль

о том, что теперь Луктерий не будет казнен – не стало грозного мстителя, в руки которого он упрямо хотел отдаться.

– Амарилла! – тихо раздалось в пещере. Красавица заметила, что еврей исчез, а Луктерий стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на нее своим всегдашним взором, полным восторга и грусти.

– Ты спасен... спасен против твоей воли! – воскликнула она.

– А твоя честь погибла.

– Перед кем? Моего мужа нет в живых, а на Клелию и весь свет я плюю.

Галл уселся подле красавицы на камень и стал говорить:

– Что ты теперь предпримешь, Амарилла? Весь Рим толкует о твоём бегстве со мной, твой дед и родители, без сомнения, извещены об этом досужими сплетниками, главная из которых для тебя – мстительная Клелия. В Риме тебе нельзя будет никуда показаться – не будет прохода от насмешек. Подруга Цитерис – эти ужасные слова будут преследовать тебя на каждом шагу из уст стара и млада. В Помпее мать заест тебя упреками, ведь ты ее осуждала, а твой дед... твой самоуправец дед может сослать тебя тайно на рудники и распустить молву о твоей смерти, как, говорят, он сделал с твоим отцом.

Амарилла внимательно слушала, дрожа с головы до ног. Луктерий взял ее руку в свою. Она не отняла.

– В роковую минуту ты спасла меня от свирепости Фульвии, – продолжал он, – я не забыл и никогда не забуду этого. Я готов воздать тебе за твоё великодушие великодушием, спасением за спасение. Надо смыть всю эту римскую грязь, надо бежать из этой волчьей берлоги, которую величают столицей мира. В одном этом твоё спасение.

– Куда же бежать мне?

– К честным людям, которые примут тебя, как милую дочь... Амарилла, я дам тебе другое отечество, других родителей, другого мужа, какого ты сама себе выберешь.

– Куда ты зовешь меня, Луктерий? В землю кадурков?

– Да. В земле кадурков, Амарилла, где так же, как здесь, растут деревья, зеленеют луга, высятся горы, цветут цветы, освещаются солнцем и орошаются дождем. В земле кадурков живут люди, а не чудовища. Я – сын вождя. Мне там все покорно. Я буду вождем, если вернусь к моему племени. Случайное рабство не запятнало моей чести по нашим обычаям, а мой род не ниже твоего рода, Амарилла. Если я тебе не противен, если ты веришь моей честности...

Голова красавицы склонилась на плечо любимого человека, ее рука крепко сжала его руку, ее уста крепко слились с его устами в первом горячем поцелуе...

Факел догорел и погас. Мрак пещеры нарушался только темным южным небом, видимым за ее широким устьем. Это небо ярко сияло мириадами звезд. Вдруг огромный метеор, как это часто случается в южных широтах, тихо прокатился по своду горизонта и рассыпался искрами над полем Фезуланским – полем гибели.

Глава XI

Sic transit gloria mundi!

17

Быть может, некоторым из моих читателей ход моего повествования покажется разбросанным, несвязным, потому что я не группирую фабулу вокруг одних и тех же личностей, и теперь, надолго покинув Амариллу с Луктерием, повею речь о приключениях других особ, не имеющих никакого отношения к героям предыдущих глав романа. Я считаю долгом заметить по этому поводу, что тут я задалась целью изобразить не типы героев или психический анализ их деятельности, а общий дух взятой эпохи, интересной для всех людей просвещенных, как исторический пример, показывающий, до чего может дойти государство с самым образцовым административным порядком, если основы его коренных традиций расшатываются, вера в прадедовские святыни ослабевает, а патриотизм уступит место эгоизму.

Разберем грустные причины разрушения этого величественного, дивного здания *Roma magna*, которому и поныне изумляются любители Истории, – здания, краеугольный камень которого положили Люций Брут и Валерий Публикола, а потом год за годом созидали и украшали другие знаменитые полководцы, администраторы, мудрецы, герои-мученики при помощи бесчисленных тружеников-патриотов, вскользь названных или даже вовсе не упомянутых летописцами. Разберем причины разрушения этого здания, доведенного ими до последней, возможной в те времена, степени совершенства, на удивление всему тогдашнему миру, в эпоху Пунических войн, а затем, точно так же камень за камнем из года в год разрушенного недостойными потомками великих созидателей.

Почему в Рим явились хулиганы вроде Клодия? Почему там существовали злодеи вроде Катилины? Почему там невозможно было положить конец таким безобразиям? Почему? – потому что римское государство было республикой. То, что сначала было источником добра при добрых нравах, при порче народа стало корнем зла.

Серьезные изменения в административном устройстве и общественной жизни государства в начале его могущества и спустя триста лет как нельзя лучше доказывают ту неопровержимую истину, что «нечто», удобное для одних людей, не может считаться столь же удобным для всех. Главная суть римской администрации была такова: ежегодно избирались два консула, которые и были высшими администраторами государства. Кроме них избирались преторы (судьи), трибуны (старшины), квесторы (казначей), эдилы (нотариусы) и другие должностные лица. В их избрании мог участвовать каждый римский гражданин, признанный достойным.

Судить римлян можно было только публично, а окончательное утверждение приговора, в случае недовольства истца или подсудимого, отдавалось на суд народного схода.

Все это было хорошо, пока Рим был только Римом, городом с окрестными селами и несколькими зависимыми от него городками, имевшими свое отдельное управление, до которого метрополии дела не было, пока эти так называемые союзники не нарушали своих союзных трактатов. Но едва Рим сделался владыкою мира, *Roma magna*, законы Брута и Публиколы превратились из блага в зло. Свобода стала своеволием черни, апелляции к народному суду – апелляциями к подкупленным негодяям, выборные должности – sineкурами богатых властолюбцев.

В эту эпоху Рим дошел до того, что в нем образовалась беспощадная тирания олигархов, явилась целая толпа деспотов, которые, не ладя между собой, толковали народную волю каждый в своих интересах при помощи подкупа и вооруженных слуг. Они обходили и ни во

¹⁷ Так проходит мирская слава! (*лат.*)

что не ставили священные обычаи старины и законы государства, когда хотели, или опирались именно на них, если им это было выгодно.

Когда судили пятерых главных клеветов Катилины, Цицерон, Катон и их сторонники утвердили смертную казнь злодеев вопреки Цезарю и другим, не допустив реализации права осужденных апеллировать к народу, опасаясь, что им будет спасена жизнь во вред обществу. Этот факт утвердился в качестве гордьева узла для всех оптиматов¹⁸ Рима, – завязкой и опорным пунктом для каждого, желавшего вступить в междоусобную схватку.

Можно ли оказать услугу государству, нарушив закон? – этот вопрос разделил римлян на две партии – Цицерона и Цезаря. Из этого рокового вопроса, как от яблока раздора, возникло все, что сделалось источником долгих бедствий народа.

– Ты стоишь за Цицерона, нарушителя закона об апелляции!

– Ты стоишь за Цезаря, защитника клеветов Катилины!

Стоило кому-нибудь выкрикнуть эти фразы – и среди улицы начиналась драка, в которую вмешивались враждующие оптиматы и превращали драку в целое побоище с грабежами, пожарами и насилиями всякого рода.

День триумфа над Катилиной был последним славным днем в жизни знаменитого Цицерона. В этот день слава его достигла определенного ей роком апогея, чтобы затем постепенно угаснуть.

Судьбы великих людей разнообразны, но ничья личность не демонстрирует в истории более разительного перехода от полной неизвестности к всеобщему поклонению и обратно – к полному забвению со стороны современников, как личность Цицерона.

Он был сыном мелкопоместного землевладельца из округа маленького городка Арпинум. Отец его занимался огородничеством и благодаря тому получил свое прозвище (сісег – горох).

Переселившись со своим братом Квинтом в Рим, Марк Цицерон брал уроки красноречия, а потом сделался адвокатом.

Это был человек с вполне миролюбивыми наклонностями, и вне адвокатской сферы даже недалекovidный, не дипломат. Если его деяния иногда кажутся полными ловкого расчета, то это явно благодаря внушениям Теренции – его жены, гордой умной аристократки.

С такими наклонностями при всех талантах Цицерону никогда не удалось бы сделаться знаменитым, если бы он не защитил двух любимцев диктатора Суллы – актера Квинта Росция от обвинения в денежном мошенничестве и Секста Росция Америна – в отцеубийстве. Речь, произнесенная в пользу последнего, даровала Цицерону не только благоволение тирана, но также известность у публики¹⁹, а с этим, конечно, всеобщую искреннюю или напускную дружбу, почет и дорогу к высшим должностям. Цицерон сделался богачом, мужем аристократки, первым адвокатом, сенатором, претором, и наконец, консулом.

По мере возрастания уважения к его особе росла и зависть. Умножались друзья, умножались и враги. Катилина первым публично обозвал его человеком неизвестного рода, недостойным внимания. Цицерон уничтожил злодея-заговорщика, но не уничтожил идей, оставленных им по наследству Риму. За это роковое наследство заговорщика ухватились многие претенденты, а горячее всех Фульвия, ненавидевшая Цицерона за его дружбу с Милоном, мужем ее смертельного врага Фавсты.

Косился на консула Цицерона и его товарищ по сану консул Антоний – за титул отца отечества; косился и Помпей за то же самое, косился и Цезарь, надеявшийся спасением пятерых главных заговорщиков от петли переманить их от Катилины к себе или получить иную пользу. Это могло бы ему удалиться, если бы заговор не был подавлен так быстро. Кроме того,

¹⁸ Слово «оптимат» значит «лучший из граждан»; оно происходит от *optimus* – превосходной степени прилагательного *bonus* – хороший.

¹⁹ Эта речь дошла до нас и отличается, несмотря на юный возраст и тогдашнюю неизвестность ее автора, начинающего адвоката, своею смелостью, подходящей до резкости.

среди казненных Кай Цетег и Лентул Сура пользовались большим весом в обществе и имели много друзей.

Вскоре после триумфа 1 марта настал день консульских выборов. Выбраны были Пизон и Валерий Мессала. На Марсовом поле, при стечении несметной толпы, Цицерон, слагая свой сан по истечении годовичного срока, хотел сказать народу речь в соответствии с традициями. Народный трибун Метелл, сторонник Цезаря, не позволил этого.

– Тому, кто казнил других вне закона, – сказал он, намекая на казнь заговорщиков, – казнил, не дав им возможности оправдаться, тому нельзя позволить говорить.

Цицерон принял это публичное оскорбление как человек с прекрасною душой, но не с практичным умом. Он воскликнул, что его оскорбили, как не оскорбляли ни одного самого бесчестного гражданина, и горделиво, громким голосом поклялся, что спас отечество.

В народе раздалась возгласы подтверждения. Вся ли толпа единодушно кричала или нет – все равно, – участь Цицерона с этого момента была решена.

В народе с самого дня триумфа враги Цицерона утверждали мнение, что он, этот триумф, принес Риму не славу, а стыд, потому что это первый пример в истории празднования победы римлян над римлянами. Жестокие тираны Марий и Сулла, побеждая один другого, врывались в города, но не праздновали своих побед, не венчались лаврами в триумфальных колесницах. Красс не получил триумфа за победу над полчищами восставших рабов Спартака, а Помпей не торжествовал, победив легионы Сертория – испанского бунтовщика. Никому, нашептывали враги Цицерона, не было пощады в Фезулах для того, чтобы в день триумфа не вести за консулами в качестве пленных своих же сограждан.

В толпе много было таких, кому до Катилины не было никакого дела. Они отвлеченно соглашались считать его злодеем, хотевшим, но не успевшим организовать что-то дурное – пожары, резню или грабеж, – а по какой причине он это затевал, под каким знаменем сражался, они не понимали и не могли понять, как всегда и везде не понимает таких тонкостей грубая часть простонародья. Идеи Катилины – это роковое его наследство – были недоступны черни.

Идея твердой власти, прикрытая маской общественного блага, всегда кажется невежественной массе привлекательной, если ее проповедник уже сошел с арены мира. Покуда Катилина был жив, ему не верили, его боялись и ненавидели. Когда он погиб – заговорили о его героической смерти, зашептались о том, что, может быть, он не был таким злодеем, как казался, а многое, совершенное другими без его ведома, враги приписали ему, свалили на него чужие вины, как на козла отпущения.

Этому последнему было тем легче поверить, что все знатные люди того времени вели далеко не безупречную жизнь. В их семьях царил полная аморальность. Героями скандалов поминутно выступали существа доселе презренные, незаметные – гладиатор и танцовщица. Без них не обходился никто и не свершалось ничто.

Как Марий первым указал римлянам стезю мятежей, так же точно и Спартак первым указал им, что гладиатор не червь, а сила, годная не только для топтания по арене в минуту забавы, но для опоры в годину нужды.

Гладиатора стали щадить. Гладиатора стали ласкать, обогащать, освобождать от рабства. Гладиатор с этой эпохи становится в глазах римлян не только человеком, но даже человеком нужным, близким, милым. Знатнейшие сенаторы и полководцы дружили с освобожденными гладиаторами, делали их своими наперсниками, знатнейшие матроны влюблялись в гладиаторов и бежали с ними за море.

Тип римского гладиатора той эпохи олицетворяли неразлучные спутники Милона и Фавсты Евдам и Биррия.

Что такое была тогда римская танцовщица, видно из роли, какую играла Цитерис Волумния, которую все публично презирали, преклоняясь пред нею тайком.

Прошло три года после триумфа над Катилиной. Наследники заговорщика работали неумолимо, хоть и не с такой быстротой, как им хотелось. Погибший злодей сделался в народе мучеником, его преступления забылись, но помнилась геройская смерть. Враги тех, кто был его врагом, очистили его память. Легковерная чернь по наветам властолюбцев стала поговаривать, что Катилина стал жертвой благородных стремлений – он желал унижить оптиматов, сравнять их с народом. Он не бунтовщик, а герой, пожелавший скорее умереть, чем ползать у ног вельмож. Его не поняли в Риме, его оттолкнули, его оскорбили и вынудили к крутым мерам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.